

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ПОШЕЛ
В ОСВЕНЦИМ
ВСЛЕД ЗА **ОТЦОМ**

РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

ДЖЕРЕМИ ДРОНФИЛД

Феникс. Истории сильных духом

Джереми Дронфилд

**Мальчик, который пошел
в Освенцим вслед за
отцом. Реальная история**

«ЭКСМО»

2018

УДК 615.874
ББК 51.230

Дронфилд Д.

Мальчик, который пошел в Освенцим вслед за отцом. Реальная история / Д. Дронфилд — «Эксмо», 2018 — (Феникс. Истории сильных духом)

ISBN 978-5-04-106015-2

Вена, 1939 год. Нацистская полиция захватывает простого ремесленника Густава Кляйнмана и его сына Фрица и отправляет их в Бухенвальд, где они переживают пытки, голод и изнурительную работу по постройке концлагеря. Год спустя их узлы подвергаются тяжелейшему испытанию, когда Густава отправляют в Освенцим – что, по сути, означает смертный приговор, – и Фриц, не думая о собственном выживании, следует за своим отцом. Основанная на тайном дневнике Густава и тщательном архивном исследовании, эта книга впервые рассказывает невероятную историю мужества и выживания, не имеющую аналогов в истории Холокоста. «Мальчик, который пошел в Освенцим вслед за отцом» – напоминание о том худшем и лучшем, что есть в людях, о мощи семейной любви и силе человеческого духа. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 615.874

ББК 51.230

ISBN 978-5-04-106015-2

© Дронфилд Д., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие автора	6
Предисловие Курта Кляйнмана	7
Пролог	8
Часть первая. Вена	9
«Когда кровь евреев потечет с ножа...»	10
Предатели народа	23
Часть вторая. Бухенвальд	32
Кровь и камни: концентрационный лагерь Бухенвальд	32
Дробилка	43
Возвращение к жизни	50
Положительное решение	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джереми Дронфилд Мальчик, который пошел в Освенцим вслед за отцом

Jeremy Dronfield

THE BOY WHO FOLLOWED HIS FATHER INTO AUSCHWITZ

© Голыбина Ирина, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается Курту,
а также памяти
Густава
Тини
Эдит
Герты
Фрица*

*Свидетель заставил себя говорить. Ради сегодняшнего юношества,
ради детей, что родятся завтра. Он не хотел, чтобы его прошлое стало
их будущим.*

Эли Визель «Ночь»

Предисловие автора

Эта история – подлинная. Каждый человек, каждое событие, каждый поворот и каждое невероятное совпадение – все взято из исторических источников. Хотелось бы думать, что это неправда, что такого не могло произойти, настолько страшна и мучительна большая часть описанного. Но все это действительно случилось – на памяти ныне живущих.

О Холокосте известно много историй, но ни одна не похожа на эту. История Густава и Фрица Кляйнманов, отца и сына, местами напоминает другие, и тем не менее она уникальна. Очень немного евреев, попав в нацистские концлагеря в период первых массовых арестов в конце 1930-х, пережили там Окончательное Решение и дождались, в конце концов, освобождения. И никто, насколько мне известно, не прошел через этот ад вдвоем, отец с сыном, с начала до конца, от нацистской оккупации до Бухенвальда и Освенцима, лагерного Соппротивления, смертельных пеших маршей, и дальше, до Маутхаузена, Миттельбау-Доры, Бергена-Бельзена, вернувшись домой живым. Во всяком случае, письменных свидетельств такие выжившие не оставили. Удача и отвага сыграли в судьбе главных героев этой книги определенную роль, но главным, что помогло Густаву и Фрицу выжить, была их любовь и взаимная преданность. «Этот мальчик – моя главная радость, – писал Густав в своем тайном бухенвальдском дневнике. – Мы поддерживаем друг друга. Мы одно целое, мы неразделимы». Год спустя их узы подверглись тяжелейшему испытанию, когда Густава отправили в Освенцим – что, по сути, означало смертный приговор, – и Фриц предпочел, не думая о собственном выживании, последовать за отцом.

Я отдал этой истории все мое сердце. Она читается как роман. Я настолько же писатель, насколько историк, но мне не пришлось ничего придумывать или приукрашивать; даже отрывки диалогов, которые здесь цитируются, восстановлены по надежным источникам. В основу книги лег дневник, который Густав Кляйнман вел в концентрационных лагерях с октября 1939 по июль 1945-го, а также мемуары Фрица и его интервью от 1997 года. Читать и то, и другое невероятно тяжело – как эмоционально, так и технически, ведь дневник, написанный в лагерных условиях, обрывочен и содержит массу загадочных аллюзий, недоступных для понимания обычного человека (даже историкам Холокоста пришлось бы обращаться к дополнительным источникам, чтобы расшифровать некоторые записи). Густав писал не для того, чтобы его дневник когда-нибудь прочли, а для того, чтобы самому не сойти с ума; отсылки в нем на тот момент были автору понятны. Явленный читателю, дневник дает возможность пережить Холокост неделю за неделей, месяц за месяцем и год за годом. Удивительно, но он открывает для нас также непреодолимую внутреннюю силу Густава и его оптимизм: «...каждый день я сам к себе обращаюсь с молитвой: *Не отчаивайся. Стисни зубы – эсэсовским убийцам тебя не одолеть*».

Беседы с выжившими членами семьи помогли мне дополнить историю личными деталями. Весь рассказ – от жизни в Вене в 1930-х до устройства лагерей и характеров их начальства – подкреплен документальными свидетельствами: показаниями бывших узников, лагерными реестрами и другими официальными документами, которые подтверждают даже самые шокирующие и невероятные подробности.

Джерми Дронфилд, июнь 2018

Предисловие Курта Кляйнмана

Более семидесяти лет прошло со страшных дней, описанных в этой книге. История выживания моей семьи, смертей и спасений касается и всех других, кто жил в это время: всех, кто попал в лагерь, лишился родных или, к счастью, сумел бежать от нацистского режима. Она касается тех, кто пострадал и кого потому никогда нельзя забывать.

То, что вынесли мой отец и брат за шесть лет в пяти разных концентрационных лагерях, – живое свидетельство реалий Холокоста. Их воля к жизни, единение между отцом и сыном, их мужество и в то же время их удача не подвластны уму никого из ныне живущих, но именно они помогли им продержаться все это время.

Моя мать первой почувствовала опасность, как только Гитлер аннексировал Австрию. Она всячески поддерживала мою сестру, когда та собралась эмигрировать в Англию в 1939-м. Я три года жил в Вене при нацистском правлении, пока в феврале 1941-го маме не удалось организовать для меня переезд в США. Это не только спасло мне жизнь, но и привело в дом любящей семьи, принявшей меня как родного. Моей второй сестре повезло меньше. Их с матерью арестовали и депортировали вместе с тысячами других евреев в лагерь смерти близ Минска. Несколько десятков лет я знал только, что их там убили, и даже посещал эти далекие места, но все равно был страшно потрясен, когда прочел в этой книге подробности того, как совершались казни.

Мои отец и брат выжили, и книга посвящается в первую очередь именно им. Я вновь встретился с ними, когда в 1953 году, на военной службе, вернулся в Вену спустя пятнадцать лет после отъезда. В последующие годы моя жена Диана много раз ездила в Вену со мной и с нашими сыновьями, которые познакомились с их бабушкой и дядей. Между нами сохранилась прочная связь, выдержавшая долгую разлуку и Холокост и продолжавшаяся после них. Хоть у меня и не осталось враждебности по отношению к Вене или к Австрии, это не означает, что я могу забыть или простить то, что случилось в истории моей родной страны. В 1966 году мой отец и мачеха навестили меня и сестру в США. Мы показали им красоты нашей новой родины и познакомили с моей приемной семьей в Массачусетсе. На той встрече, полной радости и благодарности, соединились самые дорогие мне люди, которым я обязан своим появлением на свет и выживанием в этом мире.

Мальчик, который пошел в Освенцим вслед за отцом – это пронзительная, трогательная, но в то же время детальная и достоверная история моей семьи. Нет слов, чтобы выразить всю благодарность Джереми Дронфилду за то, что он собрал эти сведения и написал эту книгу. Моя история и воспоминания моей сестры переплетаются в ней с рассказом о том, что пережили мой отец и брат в концентрационных лагерях. Я благодарен за то, что эта книга заставит людей вспомнить о Холокосте, и все пережитое нами никогда не забудется.

*Курт Кляйнман
Август 2018*

Пролог

Австрия, январь 1945

Фриц Кляйнман трясся в такт вагону, непроизвольно ежась от пронизывающей стужи, проникавшей внутрь открытого грузового вагона. Рядом с ним, скорчившись, в полузабытьи дремал его изможденный отец. Вокруг сидели такие же бледные фигуры; лунный свет озарял их полосатые арестантские пижамы и обтянутые кожей скулы. Фрицу пора было бежать: помедли он еще чуть-чуть – и станет слишком поздно.

Прошло восемь дней с тех пор, как они выехали из Освенцима. Первые шестьдесят километров колонна шла пешком: эсэсовцы по глубокому снегу гнали тысячи заключенных на запад, прочь от наступающей Красной армии. В хвосте то и дело слышались выстрелы – тех, кто не мог идти дальше, убивали на месте. Назад никто не оглядывался.

Потом их посадили в поезд, который направлялся вглубь Рейха. Фриц с отцом держались вместе, как всегда до того. Их везли в Маутхаузен, на территории Австрии, куда СС собирало остатки годных к работе заключенных, чтобы, выпив из них последние силы, разделаться и с ними тоже. На вагон приходилось по сто сорок человек; сначала они стояли, но постепенно холод начал их убивать, и на полу освобождалось место, где можно было сидеть. Трупы сваливали в кучу в углу вагона, а одежду с них живые забирали себе, чтобы согреться.

Но, хоть они едва держались на ногах, то были счастливчики, еще способные работать – большинство их братьев и сестер, жен, матерей и детей убили или погнали на запад пешком, и они умерли на марше.

Семь лет назад, когда начался этот кошмар, Фриц был еще ребенком; он стал мужчиной в нацистских лагерях – там он учился, вырослел и сопротивлялся тем, кто пытался заставить его отказаться от надежды. Он предвидел наступление этого дня и готовился к нему. Под лагерной униформой у них с отцом была надета гражданская одежда, которую Фриц раздобыл через друзей из освенцимского Сопротивления.

Поезд проехал Вену – город, некогда бывший их домом, – а потом повернул на запад. Это означало, что до пункта назначения осталось каких-то пятнадцать километров. Они находились на родине и, решившись теперь бежать, вполне сошли бы за местных рабочих.

Фриц оттягивал решающий момент, тревожась об отце. Густаву исполнилось пятьдесят три, он был стар и измучен – удивительно, что он вообще протянул так долго. И вот теперь, когда решалась их судьба, просто не мог подняться на ноги. Силы покинули его. Но Густав ни за что не хотел лишать сына шанса на выживание. Мучительно было расставаться после того, как они столько лет поддерживали друг друга в борьбе за жизнь, и все же он настаивал, чтобы Фриц бежал один. Фриц умолял его попытаться, но отец был непреклонен. «Бог тебя защитит, – сказал он. – Я не могу. Я слишком слаб».

Помедли Фриц еще немного, и было бы уже поздно. Он поднялся и сорвал с себя ненавистную полосатую пижаму; потом обнял отца, поцеловал и с его помощью перебрался через скользкий боковой борт вагона.

Ледяной ветер ударил ему в лицо. Он встревоженно оглянулся на сторожки охранников в соседних вагонах, где сидели эсэсовские караульные. Ярко светила луна – два дня до полнолуния, – и от нее на снег ложились причудливые тени, на фоне которых любое движение сразу бросалось в глаза¹. Поезд грохотал, катясь на максимальной скорости. Собрал волю в кулак и надеясь на лучшее, Фриц бросился вперед, навстречу потокам морозного воздуха.

---

¹ Данные по фазам Луны с сайта <http://www.timeanddate.com/moon/austria/amstetten?month=1&year=1945>

Часть первая. Вена

Семью годами ранее...

«Когда кровь евреев потечет с ножа...»

Густав Кляйнман тонкими пальцами подтолкнул ткань под лапку швейной машинки, и та застрочила пулеметной очередью, а иголка повела за собой длинную плавную линию шва. Рядом с его рабочим местом стояло давно требовавшее починки кресло – скелет из буковых планок, стянутых ремнями, с набивкой из конского волоса. Прострочив деталь, Густав приложил ее к подлокотнику и стал прибивать на место мебельными гвоздиками – с изнанки простыми, а снаружи медными, с круглыми выпуклыми шляпками, заколачивая их вплотную, так что стежка напоминала цепочку солдатских касок; с мерным стуком молотка гвоздики вставали точно на свое место.

Ему нравилось работать. Да и выбора особенного не было: для мужчины средних лет, с женой и четырьмя детьми, он и так устроился неплохо. Отличный мастер, деловой хваткой Густав, однако, не отличался, но пока ему удавалось держаться на плаву. Он родился в крошечной деревушке на берегу озера, в древнем королевстве Галиция² – провинции Австро-Венгерской империи, а в пятнадцать приехал в Вену, чтобы выучиться на обивщика, да так здесь и остался. Весной того года, когда ему исполнилось двадцать один, Густава призвали на военную службу, и он сражался в Первой мировой, был дважды ранен, получил медаль за мужество и, когда война закончилась, вернулся в Вену, в свою скромную мастерскую, с которой постепенно смог добиться некоторого успеха. Еще во время войны он женился на любимой девушке по имени Тини, и у них родилось четверо славных, умненьких ребятишек. Такова была его жизнь: без излишеств, полная нелегкого труда, но, пусть она его не особенно баловала, Густав умел радоваться малому.

Его размышления прервал гул самолетных моторов; он прогремел, а потом стал глуше, будто они кружили над городом. Недоумевая, он отложил молоток и вышел из мастерской.

Их улица, Им Верд, всегда оживленная, наполнилась цокотом лошадиных копыт, грохотом повозок и рычанием грузовиков, в воздухе стоял густой дух человеческих тел, выхлопных газов и конского навоза. На какой-то момент Густаву показалось, что идет снег – в марте! – но это с неба сыпались белые листки, ложась на мостовую и рыночные прилавки Кармелитермаркт. Он поднял один из них.

НАРОД АВСТРИИ!

Впервые в истории нашей Отчизны руководство страны призывает вас выступить в защиту своей Родины...³

Агитация из-за воскресного плебисцита. О нем говорила вся страна, и остальной мир ждал его результатов. Это было серьезное событие для каждого мужчины, женщины и ребенка в Австрии, но для Густава, еврея, плебисцит являлся вопросом жизни и смерти: на нем должно было решиться, сохранит ли Австрия независимость от германской тирании.

Вот уже пять лет нацистская Германия алчно поглядывала через границу в сторону своего австрийского соседа. Адольф Гитлер, сам австриец по рождению, бредил идеей включить родные земли в состав Германского рейха. Хотя в Австрии имелись собственные нацисты, ратовавшие за объединение, большинство населения было против. Гитлер требовал от канцлера, Курта Шушнига, введения членов нацистской партии в правительство страны, угрожая, что в противном случае Шушнига отстранят от должности и поставят на его место нацистскую

---

² Ныне часть Южной Польши и Западной Украины.

³ Напечатано в *Die Stimme*, 11 марта 1938, с. 1; см. также G.E.R.Gedye, *Fallen Bastions: The Central European Tragedy* (1939), с. 287–189, свидетельства очевидца о событиях в Вене в тот день.

марионетку; далее последует аншлюс, и Германия поглотит Австрию. Австрийские евреи – всего 183 тысячи человек – приходили в ужас от этой перспективы⁴.

Мир замер в ожидании. В последней отчаянной попытке сохранить независимость Шушник объявил плебисцит – референдум, на котором гражданам Австрии предстояло высказаться за или против объединения. То был мужественный шаг: предшественника Шушника застрелили во время неудавшегося нацистского переворота, и Гитлер пошел бы на что угодно, лишь бы не допустить голосования. Плебисцит назначили на воскресенье, 13 марта 1938 года.

Стены и мостовые города пестрели девизами «За независимость!». Сегодня, за два дня до голосования, пропагандистские листовки Шушника полетели на улицы еще и с самолетов. Густав перевел взгляд обратно на текст.

...За свободную, немецкую, независимую и народную, христианскую и единую Австрию! За мир и труд, за равные права для всех, кто стоит за свою страну.

...Мир должен увидеть наше стремление выжить; поэтому, народ Австрии, встань как один и проголосуй ЗА!⁵

У евреев эти пылкие призывы вызвали смешанные чувства. Они привыкли быть австрийцами: сам Густав, гордясь участием в Первой мировой войне, считал себя прежде всего австрийцем, и только потом евреем⁶. Однако, с точки зрения Шушника, он не соответствовал германскому христианскому идеалу. Да и к его австрофашистскому правительству относился сдержанно. Когда-то Густав участвовал в создании Социально-демократической австрийской партии. После подъема австрофашистов в 1934-м его партию жестоко задавили, поставив вне закона (вместе с нацистской).

Но на данный момент для австрийских евреев что угодно было предпочтительней открытых гонений, начавшихся в Германии. Еврейская газета *Die Stimme* вышла сегодня с заголовком на главной странице: «В поддержку Австрии! Все на голосование!»⁷. Ортодоксальная *Judische Presse* призывала к тому же: «Ничто не должно помешать евреям Австрии прийти и выразить свою волю. Они понимают, что это означает. Каждый должен исполнить свой долг!»⁸.

По секретным каналам Гитлер грозил Шушнику, что, если тот не отменит плебисцит, Германия предпримет собственные действия, чтобы он не состоялся. Тем временем, пока Густав, стоя посреди улицы, читал листовку, к границе уже подтягивались германские войска.

* * *

Глянув в зеркало, Тини Кляйнман разгладила руками пальто, взяла сумку для продуктов и кошелек, вышла из квартиры и, зацокав каблучками по гулкой лестнице, спустилась вниз. У дверей она наткнулась на Густава, который вышел из мастерской, располагавшейся на пер-

---

⁴ Фашистская партия Шушника «Отечественный фронт» подавила нацистскую партию и социал-демократов. Однако особого антисемитизма она не проявляла. О количестве евреев в Австрии см. Martin Gilbert, *The Routledge Atlas of the Holocaust* (2002), с. 22, и Norman Bentwich, “The Destruction of the Jewish Community in Austria 1938–1942” в *The Jews of Austria*, ed. Josef Fraenkel (1970), с. 467.

⁵ *Die Stimme*, 11 марта 1938, с. 1.

⁶ Некоторые жители Австрии еврейского происхождения считали себя германцами; Питер Валнер, венец, говорил: «Я никогда не был евреем, хотя все четверо моих бабушек и дедушек имели еврейские корни». Однако с приходом нацистов он также подвергнулся преследованиям; «По Нюрнбергским законам я еврей» (Peter Wallner, *By Order of the Gestapo: A Record of Life in Dachau and Buchenwald Concentration Camps* (1941), с. 7–18). По Нюрнбергским законам 1935 года евреем, вне зависимости от религии, считался тот, кто в третьем поколении происходил минимум от трех чистокровных евреев, бабушек или дедушек.

⁷ *Die Stimme*, 11 марта 1938, с. 1.

⁸ *Judische Presse*, 11 марта 1938, с. 1.

вом этаже их дома. В руке муж держал листовку; точно такие же усыпали мостовую, деревья, крыши – все вокруг. Заглянув в нее, она поежилась; у Тини было нехорошее предчувствие, которого Густав, вечный оптимист, с нею не разделял. Он старался никогда не думать о плохом – то была его сила, но одновременно и слабость.

Тини быстро зашагала в сторону рынка. Часть прилавков там занимали приезжие фермеры, являвшиеся по утрам со своим товаром, которым торговали бок о бок с венцами. Последние были, по большей части, евреи; собственно, почти половина торговли в Вене принадлежала им, особенно в этом районе. Местные нацисты, упирая на данный факт, возбуждали антисемитские настроения среди рабочих, страдавших от экономического упадка – как будто евреев он не касался.

Густав и Тини не отличались особой религиозностью, в синагогу ходили пару раз в год на большие праздники и, как большинство венских евреев, выбрали для своих детей скорее германские, нежели иудейские имена, однако традиций они все-таки придерживались. У герра Цейзеля, мясника, Тини купила тонко нарезанной телятины для венских шницелей; из остатков курицы можно было сделать на вечер Шабата⁹ суп. С прилавков перекочевали в сумку свежий картофель и салат, потом хлеб, мука, яйца и масло. По мере продвижения по оживленному Кармелитермаркт ее поклажа становилась все тяжелей. Там, где рынок примыкал к главной улице, Леопольдгассе, она заметила группу женщин-уборщиц, предлагавших свои услуги; безработные стояли перед пансионом Клабух с кофейней на первом этаже. Счастливиц время от времени приглашали за собой богатенькие дамочки с близлежащих улиц. Те, у кого имелось собственное ведро с мыльной водой, получали за уборку полную стоимость – шиллинг¹⁰. Тини с Густавом порой не хватало денег, но по крайней мере до *такого* она не дошла.

Повсюду пестрели призывы к независимости, выведенные на мостовых крупными яркими буквами, как дорожная разметка: глаз то и дело наткнулся на девиз плебисцита – «Мы голосуем за!» – и австрийские «крест-потенты»¹¹. Радио, звуки которого неслись из открытых окон, играло бравурные патриотические марши. Под приветственные крики и шум моторов по улице проехала колонна грузовиков с подростками из Организации австрийской молодежи: они размахивали красно-белыми флагами и разбрасывали те же листовки¹². Люди на тротуарах махали им платками и подбрасывали в воздух шляпы, скандируя «Австрия! Австрия!»

Казалось, независимость непременно победит... но тут в глаза ей бросились мрачные лица, кое-где мелькавшие в толпе. Странники нацистов. Сегодня они держались необычно тихо, и было их до странности мало.

Внезапно музыку прервал треск, а затем срочное сообщение – все несемейные армейские резервисты обязаны немедленно явиться по месту приписки. Их привлекали – по словам диктора – для обеспечения безопасности на воскресном плебисците, но это прозвучало неуверительно. Зачем правительству понадобились дополнительные войска?

Тини развернулась и пошла по запруженному толпами рынку обратно домой. Что бы ни творилось в мире, какая бы опасность им ни угрожала, жизнь продолжалась, и что им оставалось, кроме как жить?

---

⁹ Шабат – время сразу после заката солнца в пятницу до наступления темноты вечером в субботу.

¹⁰ Сегодня – примерно два-три фунта стерлингов.

¹¹ Крест с перекладинами в виде «костылей».

¹² Картины этого дня описаны по Georges Gedye (*Fallen Bastions*, сс. 287–296). Автор – британский журналист, работавший в «Дейли Телеграф» и «Нью-Йорк Таймс» и впоследствии живший в Вене.

* * *

Листовки укрывали землю в парках, летали по улицам, плыли по Дунаю. После обеда, выходя из Торговой школы на Хуттельдорферштрассе в западной части Вены, Фриц Кляйнман подивился, сколько их скопилось на тротуарах и в кронах деревьев. По дорогам тянулись колонны грузовиков с солдатами, направлявшиеся за двести километров к германской границе. Вместе с другими мальчишками Фриц восторженно провожал глазами ряды их касок и ружей наизготовку.

В свои четырнадцать Фриц уже походил на отца – те же лепные скулы, тот же нос, тот же рот с полными губами, изогнутыми в форме чайчьего крыла. Вот только смотрел Густав мягко, а взгляд больших темных глаз Фрица был острым и пронизательным, в мать. Шесть месяцев, с тех самых пор как окончил последний класс, Фриц учился в Торговой школе, чтобы потом вместе с отцом управлять мастерской.

Пока Фриц с друзьями пробирались через центр города в сторону дома, улицы постепенно охватывало новое настроение. В три часа пополудни правительственная агитация за плебисцит была прервана из-за нарастающего кризиса. Никаких официальных новостей, только слухи: бои на австро-германской границе, нацистские восстания в провинциальных городках, и самое страшное – венская полиция не окажет сопротивления местным нацистам, если дойдет до открытого столкновения. По центру шатались группы молодчиков, выкрикивавшие «Хайль Гитлер!», другие, в пику им, кричали «Хайль Шушниг!». Нацисты, распаяясь, шумели все сильнее, в основном зеленые юнцы, воодушевленные гитлеровской идеологией¹³.

Такого рода события творились в городе уже несколько дней, и за это время на евреев неоднократно нападали¹⁴, но сегодня все было по-другому – когда Фриц добрался до Штефансплатц, находившейся в самом сердце города, где располагалась секретная штаб-квартира венских нацистов, то увидел перед собором ревущую толпу, и кричали здесь только «хайль Гитлер», ничего другого¹⁵. Полицейские стояли поблизости, смотрели, переговариваясь между собой, но никаких действий не предпринимали. Точно так же со стороны, не проявляя себя, наблюдали за ситуацией члены секретного австрийского подразделения «Штурмабтейлунг», нацистские штурмовики. Они соблюдали дисциплину и следовали приказу; их время еще не пришло.

Стараясь держаться подальше от демонстрантов, Фриц перешел через Дунайский канал в Леопольдштадт и вскоре добрался к себе; простучал ботинками по ступеням до квартиры 16, и вот он – дом, вот семья и тепло.

* * *

Маленький Курт стоял в кухне на табуретке, наблюдая за тем, как мать готовит яичную лапшу для куриного супа, традиционного пятничного угощения в Шабат. В остальном обряда они не придерживались: Тини не зажигала свечи и не произносила вслух молитву. Восемилетний Курт между тем пел в хоре синагоги в центре города и с возрастом становился все более религиозным. Он водил дружбу с семьей ортодоксальных евреев, живших с ними на одной лестничной клетке, и на нем лежала обязанность зажигать для них свет в вечер Шабата.

---

¹³ По этой причине Шушниг цинично установил возраст голосования на плебисците – 24 года; большинство нацистов были моложе.

¹⁴ *The Times*, 11 марта 1938, с. 14; также *News Wiener Tagblatt (Tages-Ausgabe)*, 11 марта 1938, с. 1.

¹⁵ Gedye (*Fallen Bastions*, сс. 290–293), описание картин городской жизни в тот вечер.

Младший сынок, баловень. Всю семью связывали прочные узы, но Курт был у Тини любимчиком. Ему нравилось помогать ей готовить.

Пока суп булькал на плите, он с открытым ртом смотрел, как мать взбивает в пену яйцо и выливает на сковородку. Ему тоже нравилось так делать. Самое лучшее был венский шницель: для него мать аккуратно отбивала куски телятины, пока они не становились мягкие и тонкие, как бархат; она научила его обмакивать их в муку, потом во взбитое яйцо с молоком и, наконец, в хлебные крошки; дальше она выкладывала отбивные на сковороду с шипящим пузырящимся маслом, и аппетитный запах разливался по их квартирке, пока мясо пыхало и потрескивало, покрываясь золотистой корочкой. Этим вечером, правда, вместо шницелей пахло курицей и жареной лапшой.

Из соседней комнаты – она служила одновременно и гостиной, и спальней – доносились звуки фортепиано; сестра Курта Эдит, восемнадцати лет, отлично играла и его тоже научила хорошенькой пьеске, «Кукушка», которую он запомнит потом на всю жизнь. Вторую сестру, пятнадцатилетнюю Герту, он просто обожал; по возрасту она была ему ближе, чем Эдит, совсем уже взрослая. В своем сердце он навсегда сохранит ее образ, исполненный красоты и любви.

Тини не смогла сдержать улыбку, заметив, с какой сосредоточенностью он помогал ей сворачивать в рулет поджаренное яйцо и резать его на полоски, которые она бросала в суп.

Вся семья уселась за стол в теплых пятничных сумерках: Густав и Тини, Эдит и Герта, Фриц и маленький Курт. Дом их был мал – только эта комната да еще спальня, одна на всех (Густав и Фриц на одной кровати, Курт вместе с матерью, Эдит в собственной постели и Герта на диване); однако то был их дом, и они были в нем счастливы.

Тем временем снаружи над ними сгущались тучи. Во второй половине дня из Германии поступил письменный ультиматум: плебисцит должен быть отменен, канцлер – уйти в отставку, на его место должен встать правый политик Артур Зейсс-Инкварт (тайный член нацистской партии) с лояльным к нему кабинетом. Гитлер действовал под тем предлогом, что правительство Шушнига притесняет в Австрии германцев (для Гитлера «германец» было синонимом «нациста»). Далее, изгнанный Австрийский легион, состоявший из тридцати тысяч нацистов, должен был вернуться в Вену для поддержания порядка на улицах. Чтобы подчиниться, австрийскому правительству оставалось время до 19.30 того же дня¹⁶.

После ужина Курту надо было срочно отправляться на пятничную службу в синагоге. За пение в хоре он каждый раз получал по шиллингу (в субботнее утро монетку заменяла плитка шоколада), так что исполнял не только религиозный, но и финансовый долг.

Как обычно, Фриц пошел его проводить; он был идеальным старшим братом – одновременно и другом, и защитником, и товарищем по играм. На улицах по-прежнему толпился народ, но ожесточенные выкрики стихли, а с ними пропало и ощущение угрозы, витавшее в воздухе. Обычно Фриц шел с Куртом до бильярдной на другой стороне Дунайского канала – «Ты же знаешь отсюда дорогу, правда?» – и оставался сыграть партию-другую со своими приятелями. Но в тот вечер он проводил брата до самой Штадттемпел.

В квартире тем временем играло радио. Потом передача прервалась – срочное сообщение. Плебисцит отложен. Словно кто-то с намеком похлопал по плечу. А дальше, едва перевалило за половину восьмого, музыка смолкла, и голос диктора объявил: «Внимание! Транслируется экстренное сообщение». Последовали долгая пауза и шипение пустого эфира; они продолжались целых три минуты, после чего заговорил канцлер, Курт Шушниг. Голос его дрожал: «Мужчины и женщины Австрии, в этот день мы оказались перед трагическим и окончательным выбором». Все, кто находился возле радиоприемников, замерли – кто от страха, кто от радости, – пока канцлер излагал положения ультиматума. Австрия должна подчиниться Германии, или она будет уничтожена. «Мы уступаем перед силой, – говорил он, – потому что не

---

¹⁶ Gedye (*Fallen Bastions*, с. 290; *The Times*, 12 марта 1938, с. 12.

готовы, даже в такой страшной ситуации, проливать германскую кровь. Войскам будет отдан приказ не оказывать серьезного... – канцлер запнулся, – не оказывать сопротивления». Осипнув, он собрался с силами для последнего заявления. «Я ухожу в отставку и обращаюсь к вам с германским прощальным словом, что идет из самого сердца: Боже, спаси Австрию»¹⁷.

Густав, Тини и их дочери сидели, потрясенные, пока из приемника играл государственный гимн. В студии, где никто не мог его больше услышать или увидеть, Шушниг дал волю слезам.

* * *

Нежная, вдохновенная мелодия «Аллилуйи», возглавляемая тенором и подхваченная голосами хористов, наполнила гулкое овальное пространство Штадттемпель, прокатившись по трем рядам галерей с мраморными колоннами и золоченым орнаментом. Со своего места в хоре, стоявшем на третьем ярусе, над ковчегом¹⁸, Курт мог видеть *бимму*¹⁹ и всех молящихся. Народу собралось гораздо больше обычного, целая толпа – страх заставлял искать утешения в религии. Ученый-талмудист Эмиль Лехман, будучи явно не в курсе последних новостей, много говорил о Шушниге и призывал всех явиться на плебисцит; закончил он призывом уже низложенного канцлера: «Мы голосуем за!»²⁰.

По окончании службы Курт сбежал с галереи, забрал свой шиллинг и кинулся к дождавшемуся его Фрицу. Прихожане выходили из синагоги на булыжную мостовую. Снаружи синагога была почти неприметна: прячась за неброским фасадом, она стояла в тесном ряду жилых домов, зажата между своей и соседней улицами. Еврейским кварталом Вены давно считался Леопольдштадт, но этот пятачок в старом городском центре, где евреи жили еще со Средних веков, оставался культурным центром иудейства в городе. Об этом говорили даже названия – Югенгассе, Юденплатц; еврейской кровью были пропитаны камни дорог и щели зданий, хранившие память о преследованиях и погромах, в результате которых их вытеснили в конце концов в Леопольдштадт.

Днем городской шум не доходил до узенькой Сейтенштеттенгассе, но сейчас, в вечер Шабата, в Вене клокотала жизнь. Неподалеку, на Картнерштрассе, одной из центральных городских артерий, отходившей от нацистского анклава на Штефансплатц, собиралась толпа. Штурмовики в коричневых рубашках, получившие долгожданное разрешение выйти на улицу с оружием и в нарукавных повязках со свастиками, маршировали по проезжей части. Полиция шла с ними в одних рядах. Катили грузовики, тоже со штурмовиками; мужчины и женщины, ликуя, танцевали в ярком свете прожекторов.

По всему городу носились крики: «Хайль Гитлер! *Zig Хайль!* Долой евреев! Долой католиков! Один народ, один Рейх, один фюрер, одна победа! Долой евреев!» Яростные голоса фанатиков, оравших «Дойчланд убер аллес», сливались в припеве: «Сегодня мы правим Германией, а завтра будем править всем миром»²¹. Драматург Карл Цукмайер писал, что в ту ночь

¹⁷ Цитируется по Gedye, *Fallen Bastions*, сс.10, 293, и *The Times*, 12 марта 1938, с. 12. Как писала *The Times*, газеты в Берлине в тот вечер заявляли, что Германия вскрыла «предательство» «марксистских крыс» в австрийском правительстве, которые «жестоко издевались» над народом, отчего люди в поисках спасения бежали к германской границе. Этой ложью нацисты оправдывали свои захватнические стремления в отношении Австрии.

¹⁸ Богато украшенное помещение, в котором хранятся свитки Торы.

¹⁹ Столик для раввина, стоящий лицом к ковчегу.

²⁰ Синагогу в этот вечер описывали как «*uberfullt*» – «переполненную», «набитую людьми» (Hugo Gold, *Geschichte der Juden in Wien: Ein Gedenkbuch* (1966), с. 77; Erika Weinzierl, “Christen und Juden nach der NS-Machtereiung in Osterreich” in *Anschluss 1938* (1981), сс. 197–198).

²¹ Gedye, *Fallen Bastions*, с. 295. Враждебность к католикам основывалась на антагонизме, в частности, по вопросу попыток нацистов вытеснить Ветхий Завет и иудейскую традицию в христианстве, а также признания церковью неарийских христиан и осуждения нацизма Ватиканом (David Cesarani, *Final Solution: The Fate of the Jews 1933–1949* (2016), сс. 114–116, 136).

«преисподняя открыла свои ворота и исторгла из них самых низких, жутких и отвратительных чудовищ... То был дикий выплеск ненависти, злобы, горечи и слепой, безжалостной мести»²². Британский журналист, находившийся в городе, назвал происходившее «неописуемым ведьмовским шабашем»²³.

Шум добрался и до Сейтенштеттенгассе, где евреи постепенно расходились из Штатт-темпель. Фриц провел Курта по Югенгассе и дальше, по мосту; через несколько минут они вернулись к себе в Леопольдштадт.

Нацисты шли по улицам, сопровождаемые толпами новообращенных, десятками тысяч заполняя центр города и устремляясь к еврейским кварталам. По мостам их волна перекатилась в Леопольдштадт, влившись в Таборштрассе, Леопольдгассе, на Кармелитермаркт и Им Верд – толпы поющих, скандирующих мужчин и женщин, полных ненависти и чувства собственного превосходства. «*Zig Heil!* Смерть евреям!» Кляйнманы сидели в своей квартире, прислушиваясь к грохоту снаружи, и ждали, что толпа вот-вот ворвется к ним в двери.

Но ничего такого не произошло. Разъяренные орды бесновались на улицах несколько часов, но особого ущерба не причинили: досталось нескольким евреям, не успевшим вовремя спрятаться, и людям, «похожим на евреев», тоже, подверглись нападениям известные сторонники Шушнига, были расхищены кое-какие дома и лавки, но шквал разрушений по Вене в тот вечер не прокатился. Пораженные, евреи гадали, что тому причиной: неужели легендарная венская чопорность сказывалась даже в поведении местных нацистов?

Ничего подобного. Причина такой сдержанности была проста: штурмовики находились на службе и, как дисциплинированные солдаты, планировали грабить и убивать методично, а не впопыхах. Совместно с полицией (тоже в повязках со свастиками) они захватили главные государственные учреждения. Основные представители правящей партии были схвачены или бежали. Сам Шушник находился под арестом. И то было лишь началом.

На следующее утро границу пересекли первые колонны германских войск.

Европейские державы – Британия, Франция, Чехословакия – выразили протест против захвата Германией суверенной территории, но Муссолини, считавшийся союзником Австрии, отказался предпринимать какие-либо военные действия и даже не выразил осуждения в адрес захватчика. Международное сопротивление развалилось, не успев образоваться. Мир отдал Австрию на растерзание.

А она покорно открыла свои двери.

* * *

Густав проснулся от рева моторов. Низкий гул, отдававшийся в голове, становился все громче. Самолеты. На какое-то мгновение ему показалось, что он все еще стоит на улице перед мастерской, вчерашний день продолжается и никаких кошмаров пока не случилось. Для завтрака было рано. Его домашние, за исключением Тини, чем-то позвякивавшей на кухне, еще спали, изредка ворочаясь в кроватях.

Пока Густав вставал и одевался, гул все нарастал. За окном ничего не было видно – только крыши и полоска неба, – поэтому он обулся и спустился вниз.

На улице и на Кармелитермаркт почти не осталось следов вчерашнего буйства, разве что по углам валялись затоптанные листовки с призывами «Голосуй за!» Торговцы расставляли на прилавках товар и отпирали двери магазинов. Все взгляды были направлены на небо; шум моторов, становясь все громче, заставлял дрожать стекла в окнах домов и заглушал привычные звуки улицы. В отличие от вчерашнего, он не стихал ни на минуту – гроза приближалась. И

---

²² Цитируется по Cesarani, *Final Solution*, с. 148.

²³ Gedye, *Fallen Bastions*, с. 295.

вот над крышами показались самолеты. Десятки бомбардировщиков, летящих тесным строем, а над ними – скоростные истребители. Они двигались так низко, что были видны немецкие опознавательные знаки и створки бомбовых люков, которые вдруг начали открываться²⁴. Волна ужаса прокатилась по рынку.

Однако из люков полетели не бомбы, а опять листовки, которые, кружась, стали падать на мостовые и на крыши. Словно политика определяла теперь погоду. Густав поднял одну: она оказалась куда короче и нагляднее, чем прошлым утром. Сверху красовался нацистский орел, а под ним текст:

Национал-социалистская Германия приветствует национал-социалистскую Австрию и новое национал-социалистское правительство.

Связь наша крепка и нерушима!

Хайль Гитлер!²⁵

Рев моторов стал оглушительным. Над городом следом за бомбардировщиками двинулись сотни грузовых самолетов; пока бомбардировщики кружили, те продвигались на юго-восток. Никто не знал, что они перевозили солдат и направлялись на аэродром Аспена, сразу за городом. То были первые германские войска, вторгшиеся в австрийскую столицу. Густав отбросил листок, словно ядовитую змею, и поспешил назад домой.

Завтракали они в молчании. С этого дня страшный призрак преследовал венских евреев, отравляя каждый их шаг, каждое слово и каждую мысль. Все они знали, что творилось в Германии в последние пять лет. Не знали только, что в Австрии события не будут развиваться постепенно: пять лет террора обрушатся на их головы единым махом.

На них надвигался Вермахт, надвигались СС и гестапо, ходили слухи, что сам фюрер уже в Линце и скоро доберется до Вены. Местные нацисты бесновались в триумфальном исступлении. Большая часть населения, поначалу желавшая лишь стабильности и безопасности, постепенно начала заражаться их настроениями. Австрийские штурмовики разоряли еврейские лавки в Леопольдштадте, жилища богатых евреев подвергались нападениям и грабежам. За время экономической депрессии зависть и ненависть к евреям, преуспевшим в торговле, юриспруденции, медицине, достигли небывалого накала и теперь со всей силой вырвались наружу.

Долгое время считалось, что политическая борьба для венцев это ни в коем случае не уличные бои и не восстания. «Настоящий венец, – говорили они, неодобрительно поглядывая на нацистов, галдевших и буянивших на улицах, – обсуждает политические разногласия за столом в кафе и, как цивилизованный человек, голосует на выборах»²⁶. Однако эти «истинные венцы» с их цивилизованностью были уже приговорены. Дикари захватили власть в стране.

И все же Густав Кляйнман, никогда не терявший надежды, почему-то верил, что его семья в безопасности. В конце концов, они же австрийцы – в гораздо большей степени, чем евреи. Наверняка нацисты станут преследовать только религиозных, убежденных иудеев, ортодоксов... или нет?

* * *

Эдит Кляйнман шла по улице с высоко поднятой головой. Как отец, она считала себя больше австрийкой, чем еврейкой. Вообще, она мало думала о подобных вещах – ей было всего восемнадцать; Эдит училась на швею и мечтала стать знаменитой модисткой, а в свобод-

---

²⁴ Oswald Dutch, *Thus Died Austria* (1938), сс. 231–232; см. также *Neues Wiener Tagblatt*, 12 марта 1938, с. 3; *Banater Deutsche Zeitung*, 13 марта 1938, с. 5; *The Times*, 14 марта 1938, с. 14.

²⁵ *Neues Wiener Tagblatt*, 12 марта 1938, с. 3.

²⁶ Gedye, *Fallen Bastions*, с. 282.

ное время любила повеселиться, встречалась с молодыми людьми и обожала музыку и танцы. Прежде всего она была молоденькой девушкой, со всеми присущими ее возрасту страстями и желаниями. С еврейскими парнями она встречалась редко, отчего Густав чувствовал себя не в своей тарелке: быть австрийцами очень неплохо, но все-таки надо помнить и о своем народе. Если тут и было некоторое противоречие, Густав его не замечал.

С прихода немцев минуло несколько дней. В воскресенье, в день отмененного плебисцита, они маршем прошли по городу. Большинство евреев сидели по домам, но брат Эдит Фриц, сорвиголова, выбрался на них посмотреть. По его словам, некоторые отважные венцы поначалу бросали в германских солдат камнями, но их быстро оттеснили восторженные массы, кричавшие «Хайль Гитлер!» Триумфальный вход в австрийскую столицу возглавлял сам Адольф Гитлер, а колонны казались нескончаемыми: сотнями катились сверкающие лимузины, мотоциклы, бронированные машины, маршировали тысячи солдат в серых формах, касках и тяжелых ботинках. Повсюду пестрели алые флаги со свастикой – развевались в руках солдат, свешивались из окон, торчали из машин. Тем временем, уже без помпы, в Вену прибыл Генрих Гиммлер, занявшийся делами полиции²⁷. Нападения на богатых евреев продолжались, каждый день появлялись сообщения о новых самоубийствах.

Эдит старалась идти быстрее. На углу Шиффамтсгассе и Леопольдсгассе происходило что-то необычное: у полицейского участка собралась большая толпа²⁸. До нее доносились возбужденные возгласы и смех. На перекрестке она сбавила шаг, заметив знакомое лицо – Викерль Экер, школьный приятель. Его светлые пронзительные глаза встретились с ее.

– Вон! Еще одна!²⁹

Все лица повернулись к ней, послышалось шипение *еврейка*, и вот уже ее подхватили за руки и потащили через толпу. Эдит увидела на Викерле коричневую рубашку со свастикой на рукаве. Ее вытолкали в центр кольца из ухмыляющихся, глумящихся лиц. На земле на четвереньках стояло с полдюжины мужчин и женщин с щетками и ведрами, оттиравших мостовую – все евреи, все хорошо одеты. Одна перепуганная девушка одной рукой прижимала к груди шляпу и перчатки, а другой терла щеткой тротуар, и подол ее роскошного пальто волочился по мокрым камням.

– На колени!

Эдит сунули в руки щетку, толкнули на землю. Викерль ткнул пальцем в австрийские кресты и призывы «Голосуй за!»

– Давай, жидовка, отмывай вашу грязную пропаганду!

Под злые выкрики она начала тереть. В толпе попадались знакомые лица: соседи, знакомые, хорошо одетые предприниматели, молодые жены, рабочие и поденщицы – все они, некогда составлявшие ткань ее привычного мира, теперь превратились в разъяренный сброд. Краска, несмотря на усилия, никак не стиралась.

– Подходящая работенка для евреев, да? – расхохотался кто-то, и другие подхватили этот смех. Один из штурмовиков вырвал из рук мужчины ведро и выплеснул содержимое прямо на него, вымочив пальто из верблюжьей шерсти. Остальные радостно загалдели.

Через час или около того жертвам выдали чеки за их «работу» и разрешили уйти. Эдит шла домой в порванных чулках и перепачканном платье, с трудом сдерживаясь, чтобы не рыдаться от стыда и унижения.

---

²⁷ *Arbeitersturm*, 13 марта 1938, с. 5; *The Times*, 17 апреля 1938, с. 14.

²⁸ Точно неизвестно, какой это был полицейский участок. Скорее всего, на Леопольдсгассе, участок Шутцполицай группенкоммандо Ост, полиция Рейха (*Reichsamter und Reichsbehorden in der Ostmark*, с. 207, AFB).

²⁹ Основано на мемуарах Фрица Кляйнмана: Reinhold Gartner and Fritz Kleinmann, *Doch der Hund will nicht krepieren: Tagebuchnotizen aus Auschwitz* (2012); а также на свидетельствах Курта Кляйнмана и сына Эдит, Питера Паттена; дополнительные детали из различных современных источников.

В следующие недели «уборка» стала излюбленным развлечением для нацистов в еврейских кварталах. Краска, которой писались патриотические девизы, оказалась на редкость стойкой, поэтому штурмовики добавляли в воду кислоту, оставлявшую на руках жертв ожоги и язвы³⁰. Эдит повезло – больше она не попадалась, но ее пятнадцатилетняя сестра Герта оказалась среди тех, кому пришлось отмывать австрийские кресты со столба с часами на рыночной площади. Других евреев принуждали писать антисемитские призывы на витринах еврейских лавок ярко-желтыми или красными буквами.

Вена утратила свой чопорный дух с головокружительной быстротой – словно разорвалась мягкая, податливая ткань на домашнем диване, а под ней обнажились острые пружины и гвозди. Густав ошибся: они не были в безопасности. Никто не был.

* * *

Перед выходом они оделись в свои лучшие наряды: на Густаве был воскресный костюм, Фриц надел школьные брюки, Эдит, Герта и Тини – самые красивые платья, а маленький Курт – матросский костюмчик. Смотря в объектив фотоаппарата в студии Ганса Гемперля, они словно заглядывали в собственное будущее. Эдит неловко улыбалась, положив руку матери на плечо. Курт выглядел довольным – в свои восемь он еще не понимал, чем грозят происходившие вокруг перемены, – Фриц старался держаться независимо, как задиристый подросток, а Герта – которой исполнилось шестнадцать, отчего она ощущала себя настоящей женщиной, – так и сияла. Щелкая кнопкой, герр Кемперль (он не был евреем и в последующие годы весьма преуспел) обратил внимание на испуг в глазах Густава и стоицизм во взгляде Тини. Оба они, даже Густав-сангвиник, понимали, к чему все идет. Это Тини настояла, чтобы они пошли в фотостудию. Ее терзало предчувствие, что семье недолго оставаться вместе, и она хотела сфотографироваться с детьми, пока еще была такая возможность.

Враждебность, царившая на улицах, официально закрепились в постановлениях правительства и судов. По нюрнбергским законам 1935 года австрийские евреи лишились своего гражданства. 4 апреля Фрица и других учащихся-евреев отчислили из Торговой школы; работу он также потерял. Уволили Эдит и Герту, а Густав больше не имел права вести собственную торговлю. Его мастерскую конфисковали и закрыли. Покупать у евреев было запрещено: тех, кого на этом ловили, заставляли стоять возле лавки с табличкой «Я ариец, но я свинья – я покупаю в этой еврейской лавке»³¹.

Через четыре недели после Аншлюса³² Адольф Гитлер возвратился в Вену. Он выступил с речью на Северо-Западном вокзале – в нескольких сотнях метров от Им Верд – перед двенадцатью тысячами членов австрийской и германской штурмовых группировок и гитлерюгенда.

– Всею жизнью я доказал, – гремел он, – что могу сделать больше, чем эти карлики, которые своим правлением привели страну к краху. Через сто лет мое имя будет стоять в ряду величайших сынов этой страны³³.

Толпа приветствовала его бурей «*Zig Heil!*», повторявшихся снова и снова, и этот оглушительный рев эхом разносился по еврейским кварталам Леопольдштадта.

Вена покрылась свастиками, портреты фюрера занимали первые полосы всех газет. На следующий день в Австрии состоялся долгожданный плебисцит по вопросу независимости.

---

³⁰ Свидетельство Морица Фрайшмана, том 1, раздел 17, ТАС; George E. Berkley, *Vienna and Its Jews: The Tragedy of Success, 1880s–1980s* (1988), с. 259; Marvin Lowenthal, *The Jews of Germany* (1939), с. 430. См. также *The Times*, 31 марта 1938, с. 13; 7 апреля 1938, с. 13.

³¹ Gedye, *Fallen Bastions*, с. 354.

³² Буквально «присоединение»; насильственное объединение Австрии с Германией.

³³ *The Times*, 8 апреля 1938, с. 12; 11 апреля 1938, с. 11; также Gedye, *Fallen Bastions*, с. 9.

Конечно же, евреев к голосованию не допустили. СС следило за ходом референдума и обеспечивало безопасность; неудивительно, что по его результатам 99,7 % проголосовало за Аншлюс. Гитлер сказал, что это число «превзошло все мои ожидания»³⁴. Колокола протестантских церквей по всему городу звонили без остановки пятнадцать минут, глава Евангелической церкви распорядился провести благодарственные службы. Католики хранили молчание, еще не зная, не распространит ли Гитлер и на них меры, направленные против евреев³⁵.

Иностранные газеты оказались под запретом. Повсюду раздавали значки со свастиками, и если кто-то такой не носил, то сразу же оказывался под подозрением³⁶. В школах за утренней молитвой обязательно следовало вездесущее «Хайль Гитлер!» Проводились ритуальные сожжения книг, СС захватило израильский культурный центр близ Штадттемпель, подвергнув работавших в нем раввинов побоям и издевательствам³⁷. С этого момента центр стал правительственным органом, которому вменялось в обязанность заниматься «еврейским вопросом» и платить «компенсацию» государству за пользование его же зданием³⁸. Новый режим отобрал у евреев собственность общей стоимостью в два миллиарда двести пятьдесят тысяч миллионов рейхсмарок (не считая домов и квартир)³⁹.

Густаву и Тини с трудом удавалось прокормить семью. У Густава было несколько старых друзей-арийцев, занимавшихся мебельным делом, которые время от времени давали ему подработку, но такое случалось нечасто. Летом Фриц с матерью работали на фермера из Нижней Австрии, развозя молоко по близлежащим кварталам; ездить приходилось рано утром, чтобы покупатели не узнали, что молоко им доставляют евреи. За каждый доставленный литр им причиталось по пфеннигу, то есть по марке за день – только чтобы не умереть с голоду. Кляйманы выживали за счет бесплатного супа, который раздавали из еврейской кухни на их улице.

Спасения от нацистов не было. Группы штурмовиков в коричневых рубашках и молодчиков из гитлерюгенда маршировали по улицам, распевая:

Когда кровь евреев потечет с ножа,
Мы будем петь и смеяться.

В песнях они призывали вешать евреев и ставить к стенке католических священников. Некоторые из них были старыми друзьями Фрица, с поразительной быстротой заделавшись нацистами. Кое-кто вступил даже в местное подразделение СС, 89-й Штандарт. Эсэсовцы были повсюду: требовали удостоверения личности у прохожих, гордо щеголяли в наглаженной форме и наслаждались неограниченной властью. Беснаказанность кружила им головы. Слово *Saujud* – еврейская свинья – слышалось со всех сторон. На скамьях в парке появились таблички «только для арийцев». Фриц с оставшимися друзьями не могли больше посещать спортивные площадки и бассейны, что сильно его задело: плавать он очень любил.

С приходом лета антисемитские настроения поутихли, но официальные преследования продолжались, и давление постоянно росло. Все чаще в разговорах проскальзывало страшное слово: «Не поднимай головы и не раскрывай рта, – говорили евреи друг другу, – иначе попадешь в Дахау». Люди куда-то исчезали: сначала видные деятели – политики и бизнесмены, – потом крепкие еврейские мужчины. Их уводили под надуманными предлогами; если они и

---

³⁴ *The Times*, 11 апреля 1938, с. 12. Даже бюллетень был плодом пропаганды – с большим кругом по центру для «ЗА» (за Аншлюс) и маленьким сбоку для «против».

³⁵ *The Times*, 12 апреля 1938, с. 14.

³⁶ *The Times*, 9 апреля 1938, с. 11.

³⁷ *The Times*, 23 марта 1938, с. 13; 26 марта 1938, с. 11; 30 апреля 1938, с. 11.

³⁸ Bentwich, “Destruction”, с. 470.

³⁹ Там же; Herbert Rosenkranz, “The Anschluss and the Tragedy of Austrian Jewry 1938–1945” in *The Jews of Austria*, ed. Joseph Fraenkel (1970), с. 484.

возвращались когда-то к семьям, то только в виде праха. Потом в разговорах стали шептать новое название: Бухенвальд. *Konzentrationslager* – концентрационные лагеря, с самого начала ставшие одним из символов нацистской Германии, множились и росли⁴⁰.

Преследования евреев осуществлялись с бюрократической дотошностью. Особое внимание уделялось их документам. В августе был принят закон, по которому тем, чьи имена не являлись исконно еврейскими, следовало взять себе среднее имя «Израиль» для мужчин и «Сара» для женщин⁴¹. На их паспортах ставился штамп «J», то есть *Juden-Kennkarte* или *J-Karte*, как они назывались. В Леопольдштадте применялась особая процедура: после получения на паспорт этого штампа еврей заходил в комнату, где находились фотограф и несколько ассистентов, мужчин и женщин. Сначала его фотографировали, а затем заставляли раздеваться донага.

«Несмотря на их сопротивление, – вспоминал один из свидетелей, – людей вынуждали полностью обнажаться... чтобы затем сфотографировать со всех сторон». У них снимали отпечатки пальцев и обмеры, «причем женщин обмеряли мужчины; проверяли густоту волос, брали кровь на анализ, все записывали и пронумеровывали»⁴². Все евреи без исключения были обязаны пройти через эту унижительную процедуру. Некоторые начинали сопротивляться и пытались уйти, получив штамп на паспорт, поэтому эсэсовцы решили сначала проводить съемки.

К сентябрю ситуация в Вене была спокойной и жизнь, казалось, вошла в обычное русло, даже для евреев в их общинах⁴³. Но нацисты отнюдь не собирались останавливаться на достигнутом, и им требовался новый предлог, чтобы подогреть антиеврейские настроения.

В октябре в Бельгии произошло нечто, во многом предвосхитившее грядущие события. Случилось это в портовом городе Антверпене, где располагался большой, процветающий еврейский квартал. 26 октября двое журналистов из нацистской пропагандистской газеты *Der Angriff* сошли на берег с пассажирского парохода и начали фотографировать торги на еврейской бриллиантовой бирже. Действовали они не церемонясь и в целом вели себя нагло, поэтому евреи, возмущившись, стали их прогонять и отобрали камеру; один из корреспондентов в потасовке получил травмы⁴⁴. Германская пресса бросилась всячески раздувать это происшествие, отчего оно превратилось чуть ли не в безжалостное нападение на ни в чем не повинных, беспомощных германских граждан. В одном из ведущих венских новостных изданий написали, что группа германских туристов подверглась нападению банды из пятидесяти еврейских головорезов, которые их зверски избили и, пока те лежали без сознания, украли все, что было у них при себе. «Бельгийская пресса, конечно же, это замалчивает, – клокотала венская газета, – что лишний раз демонстрирует ее продажность, ведь когда какого-нибудь еврея привлекают к ответственности за его преступления, она тут же поднимает страшный шум»⁴⁵. Нацистская газета *Volkischer Beobachter* открыто грозила, что любые насильственные действия со стороны евреев в адрес граждан Германии «будут иметь последствия, выходящие за рамки обычной ответственности, которые могут оказаться крайне нежелательными и неприятными»⁴⁶.

---

⁴⁰ Дахау, основанный в 1933 году на заброшенной фабрике, был первым специально созданным концентрационным лагерем. К лету 1938 года в Германии было четыре крупных функционирующих лагеря (плюс несколько мелких): Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и Флоссенбург, а вскоре открылись новые, включая Маутхаузен в Австрии, открывшийся в августе 1938 года (см. Nikolaus Wachsmann, *KL: A History of the Nazi Concentration Camps* (2015); Cesarani, *Final Solution*; Laurence Rees, *The Holocaust: A New History* (2017)).

⁴¹ Reich Ministry of the Interior regulations, 17 августа 1938 года, цитируется по Yitzhak Arad, Israel Gutman and Abraham Margalioth, *Documents on the Holocaust*, 8-е издание, перевод Lea Ben Dor (1999), сс. 98–99.

⁴² Свидетельство очевидца В.306, АWK.

⁴³ Свидетельство очевидца В.95, АWK.

⁴⁴ Так излагал историю брюссельский корреспондент журнала *The Times* (27 октября 1938, с. 13). Ассошиэтед Пресс через *Chicago Tribune* (27 октября 1938, с. 15) добавила детали с камерой, увеличила число участвовавших в происшествии нацистов до четырех и добавила анонимное заявление о том, что нацистов повалили с ног и избили.

⁴⁵ *Neues Wiener Tagblatt*, 26 октября 1938, с. 1.

⁴⁶ *Volkischer Beobachter*, 26 октября 1938, с. 1, цитируется у Peter Loewenberg, “The *Kristallnacht* как свидетельство деградации общества” в *The Origins of Holocaust*, ed. Michael Marrus (1989), с. 585.

Угроза была очевидна, и напряжение нарастало.

В начале ноября антисемитские настроения по всему Рейху искали нового выхода. Курок был спущен в Париже: там польский еврей Гершель Гриншпан, возмущенный изгнанием своих соотечественников, включая его родных, из Германии, – купил револьвер, пронес его в германское посольство и пятикратно выстрелил в Эрнста фом Рата, сотрудника, случайно попавшего ему на пути.

Венские газеты называли это убийство «откровенной провокацией»⁴⁷. Евреям следовало преподать урок.

Фом Рат скончался во вторник 9 ноября. Той же ночью нацисты вышли на улицы Берлина, Мюнхена, Гамбурга, Вены и других крупных и мелких городов. Местные представители партии и гестаповцы возглавляли марш, а за ними шли австрийские и германские штурмовики, вооруженные кувалдами, пиками и канистрами с горючим. Их целью были дома и лавки, до сих пор остававшиеся в руках евреев. Если кто-то из хозяев пытался им помешать, его приканчивали на месте. Штурмовики разрушали и жгли все, до чего могли добраться, но больше всего очевидцам запомнился звон стекла: в историю эта ночь вошла как *Kristallnacht*⁴⁸, Хрустальная, или Ночь разбитых витрин, из-за осколков, сплошь усыпавших мостовые. Евреи же запомнили ее как Ноябрьский погром.

Приказ предписывал нацистам только громить – но не грабить⁴⁹. Однако в последовавшем хаосе он неоднократно нарушался: дома и лавки евреев расхищали под предлогом поисков оружия и «нелегальной литературы»⁵⁰. К евреям, которых выдавали соседи, тут же врывались в дом и крушили все, что попадалось под руку, разносили мебель, рвали одежду; матери закрывали собой перепуганных детей, а супруги прижимались друг к другу, застыв от ужаса, пока у них хозяйничали молодчики в коричневых рубашках.

В Леопольдштадте евреев, пойманных на улице, затаскивали на Кармелитермаркт и избивали. После полуночи нацисты подожгли синагоги, и крыши, на которые выходило окно Кляйнманов, осветились красным: это горела Полнише Шуль, синагога на Леопольдсгассе. Приехавшей на место пожарной бригаде штурмовики преграждали путь до тех пор, пока величественное здание не выгорело дотла. Синагогу Штадттемпель, находившуюся в центре города, где дома стояли тесно друг к другу, нацисты поджечь не решились и вместо этого разгромили изнутри: скололи и изуродовали великолепную резьбу и бело-золотую роспись, уничтожили ковчег и *биму*.

На рассвете начались аресты. Евреев – преимущественно взрослых мужчин – вытаскивали из домов или хватали прямо на улицах.

В числе первых под арест попали Густав и Фриц Кляйнманы.

---

⁴⁷ *Neues Wiener Tagblatt*, 8 ноября 1938, с. 1.

⁴⁸ Обычно переводится «Ночь разбитых витрин», но «Хрустальная ночь» точнее.

⁴⁹ Телеграмма от Рейнхарда Гейдриха во все полицейские участки, 10 ноября 1938 года, в *Agad et al., Documents*, сс. 102–104.

⁵⁰ Генеральный консул Великобритании в Вене, письмо, 11 ноября 1938 года, в Министерстве иностранных дел (Соединенное Королевство), *Papers Concerning the Treatment of German Nationals in Germany 1938–1939* (1939), с. 16.

Предатели народа

Их отвели в отделение полиции, внушительное здание из кирпича и тесаного камня близ Пратера, городского парка⁵¹. В Пратер они всей семьей частенько ходили по выходным: гуляли по просторным лужайкам, посиживали в пивном саду, а дети катались на каруселях и смотрели выступления циркачей. Сейчас, холодным зимним утром, ворота парка стояли закрытыми; колесо обозрения, словно стальная паутина, угрожающе нависло над городскими крышами. Но Густав с Фрицем ничего этого не видели: они въехали в ворота в кузове грузовика, набитого евреями из Леопольдштадта.

Отца с сыном выдали штурмовикам соседи: те самые, которых Густав считал друзьями – *Du-Freunden*⁵², – люди, которые с ним болтали, улыбались, пользовались его доверием, знавшие его детей и историю их семьи. И эти самые люди, без всякого принуждения и провокаций, ударили ножом в спину.

В полицейском участке арестованных высадили из кузова и затолкали в помещение заброшенной конюшни⁵³. Там уже толпились сотни мужчин и женщин. Большинство схватили дома, как Густава с Фрицем, других арестовали утром, в очередях к посольствам и консульствам стран, куда они надеялись бежать⁵⁴; кого-то скрутили прямо на улице. Лающий вопрос в лицо: «*Jude oder Nichtjude?*»⁵⁵ И если в ответ звучит «*Jude*», еврей, или во внешности жертвы есть хоть намек на еврейство – тут же в грузовик. Некоторых пешком провели по городу, под насмешки и издевательства толпы. Нацисты называли это *Volksstimme*, глас народа, и глас этот несся по улицам, смешиваясь с воем сирен – ночной кошмар, от которого не было пробуждения.

Шесть с половиной тысяч евреев – преимущественно мужчин – скопилось в полицейских участках по всему городу⁵⁶, но на Пратере арестованных оказалось больше всего. Камеры быстро переполнились, и людей начали заталкивать в старые конюшни, где им приходилось стоять с поднятыми руками; некоторые падали на колени, и вновь прибывшие перешагивали через них.

Густав и Фриц старались не терять друг друга из виду. Долгие часы они то держались на ногах, то опускались на колени, мучаясь от голода и жажды, с ноющими суставами, под нескончаемые стоны, всхлипы и молитвы. Со двора до них доносились звуки ударов. Каждые несколько минут двух-трех человек вызывали на допрос. Ни один из них не вернулся.

Фриц с отцом уже потеряли счет времени, но вот палец указал на них, и им пришлось пробиваться к выходу через плотную людскую массу. Их сопроводили в другое здание, где заседал официальный комитет; допрос сопровождался постоянными оскорблениями – *еврейская свинья, предатель народа, еврейский преступник*. Каждый арестованный должен был повторить эти эпитеты в свой собственный адрес. Вопросы всем мужчинам задавали одинаковые: *Сколько*

---

⁵¹ Polizeiamt Leopoldstadt, Центральное управление местной полиции, находился по адресу: Ausstellungstrasse 171 (*Reichsamter und Reichsbehörden in der Ostmark*, с. 204, AFB).

⁵² Близкие друзья, общающиеся между собой на «ты» – *Du*, а не на «вы» – *Sie*.

⁵³ Рассказ основан на воспоминаниях Фрица Кляйнмана в Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 188; дополнительные детали: свидетельства очевидца В.24 (анонимно), В.62 (Альфред Шехтер), В.143 (Карл Левенштейн), АWK; также свидетельства Зигфрида Меркеки (рукопись 166 (156)), Маргарете Нефф (рукопись 93 (205)) в Uta Gerhardt and Tomas Karlauf (eds), *The Night of Broken Glass: Eyewitness Accounts of Kristallnacht*, пер. Robert Simmons and Nick Somers (2012); Wallner, *By Order of the Gestapo*.

⁵⁴ Генеральный консул Великобритании в Вене, письмо, 11 ноября 1938 года, Министерство иностранных дел (Соединенное Королевство), *Papers Concerning the Treatment of German Nationals in Germany, 1938–1939* (1939), с. 16.

⁵⁵ «Еврей или нееврей?»

⁵⁶ Точное количество задокументированных арестов 6,547 (Melissa Jane Taylor, “Experts in Misery? American Consuls in Austria, Jewish Refugees and Restrictionist Immigration Policy, 1938–1941 (2006), с. 48).

у тебя накоплено денег? Ты гомосексуалист? Ты спишь с арийскими женщинами? Ты когда-нибудь помогал делать аборт? Членом каких объединений и партий ты являешься?

После допроса арестованных распределяли по категориям. Те, кому выпадало *Zuriik* (возврат), отправлялись обратно в камеры и ждали продолжения расследования. Получившие *Entlassung* (отпустить) освобождались – в основном женщины, старики, подростки и иностранцы, арестованные по ошибке. Самой страшной категорией была *Tauglich* (пригоден): она означала Дахау или Бухенвальд, или новое название, которое тоже произносили шепотом, Маутхаузен – лагерь, строившийся тут же, в Австрии⁵⁷.

Своих вердиктов Густав и Фриц ждали на чердаке, окна которого выходили во двор. Отсюда им был виден источник шума, доносившегося до камер: штурмовики стогнали евреев, стоявших с поднятыми руками, в тесный строй и избивали их палками и кнутами. Им командовали лечь, потом встать, потом повернуться; их пинали, хлестали, громко хохоча, их пальто и дорогие костюмы были все в грязи, а шляпы валялись на земле. Некоторых отводили в сторону и обрабатывали отдельно. Тех, кто не участвовал в «разминке», заставляли скандировать во весь голос: «Мы еврейские преступники! Мы еврейские свиньи!»

Полицейские, служившие не первый год и отлично знавшие евреев из Леопольдштадта, стояли в сторонке и, если требовалось, помогали нацистам. В измывательствах они не участвовали, но и противиться им не собирались. По крайней мере один полицейский в высоком чине присоединился к избиениям во дворе⁵⁸.

После долгого ожидания Фриц и Густав узнали свой вердикт. Фриц, пятнадцати лет от роду, отпускаясь на свободу – *Entlassung*. Он мог идти. Густав получил *Zuriik* – обратно в камеру. Фриц, бессильный что-либо сделать, в отчаянии смотрел, как отца силой уводят прочь.

* * *

Когда Фриц вышел из участка, наступил вечер. Один он пошел домой, минуя знакомые ворота Пратера. Он проходил под ними сотни раз – после заплывов с друзьями в Дунае, после семейных прогулок по парку, разомлевший от съеденных сладостей или с адреналином в крови. Сейчас он ощущал лишь пустоту.

Улицы, залитые кровью, были мрачны – словно от похмелья после вчерашнего дебоша. Леопольдштадт лежал разоренный, мостовые на торговых улицах и Кармелитермаркте ковром покрывали битое стекло и деревянные щепки.

Фриц вступил в квартиру и упал в объятия матери и сестер. «Где папа?» – спрашивали они. Он рассказал, что случилось – отца оставили под арестом. Снова в головах у них всплыли страшные названия: Дахау, Бухенвальд. Всю ночь они ждали новостей, но ничего не было, пытались спрашивать, но не получали ответа.

Новости о погромах возмутили весь мир. США в знак протеста отозвали своего посла из Берлина⁵⁹, президент заявил, что эти сообщения «глубоко потрясли американский народ... Я с трудом поверил, что подобные вещи могут происходить в XX веке»⁶⁰. В Лондоне *The Spectator* (тогда либеральный журнал левого крыла) писал, что «варварство в Германии достигло такого размаха, такой дьявольской бесчеловечности, и настолько явственно вдохновлено правительством, что его последствия... не поддаются прогнозам»⁶¹.

⁵⁷ В.62 (Альфред Шехтер), АWK. На тот момент в Матхаузен помещались осужденные; евреев туда до войны не отправляли, однако в то время считалось, что они там есть (См.: *The Scotsman*, 14 ноября 1938; также Kim Wunschmann, *Before Auschwitz: Jewish Prisoners in the Prewar Concentration Camps* (2015), с. 183).

⁵⁸ В.143 (Карл Левенштейн), АWK.

⁵⁹ *New York Times*, 15, 26 ноября 1938, с. 1.

⁶⁰ Цитируется в швейцарской газете *National Zeitung*, 16 ноября 1938.

⁶¹ *The Spectator*, 18 ноября 1938, с. 836.

Однако нацисты отвергли обвинения в насилии, утверждая, что все это ложь, призванная отвлечь мировую общественность от по-настоящему трагического события – убийства еврейскими террористами германского дипломата. Они с гордостью заявляли, что евреи понесли заслуженное наказание, «свидетельство праведного гнева широких слоев населения Германии»⁶². Разоблачения из-за границы они называли «грязными подделками, сфабрированными в известных иммигрантских центрах в Париже, Лондоне и Нью-Йорке и распространяемыми купленной евреями мировой прессой»⁶³. Разрушение синагог означало, что евреи «больше не смогут устраивать заговоры против государства, прикрываясь религиозными обрядами»⁶⁴.

Фриц, Тини, Герта, Эдит и Курт прождали всю пятницу, но о Густаве ничего не узнали. Наконец, когда спустились сумерки и начался Шабат, кто-то постучал в дверь. Взволнованная, Тини бросилась открывать. На пороге стоял он – ее муж. Живой.

Измученный, изголодавшийся, высохший, худой как никогда. Густава, словно воскресшего из мертвых, встречали с радостью и облегчением. Он рассказал, что с ним случилось. Нацисты приняли во внимание его участие в Первой мировой, а старые друзья из полицейских подтвердили, что он был неоднократно ранен и имел награды. По распоряжению верхушки СС ветеранов следовало отпускать наравне с инвалидами, стариками и подростками⁶⁵. Даже нацисты не зашли пока так далеко, чтобы отправить героя войны в концентрационный лагерь. Густава Кляйнмана отпустили.

В следующие несколько дней началась перевозка. Полицейские фургоны – их называли «Зеленый Генрих»⁶⁶ – сотнями катили по улицам, набитые мужчинами-евреями, в числе которых были и военные ветераны, но без наград и знакомств в полиции, выручивших Густава. Автобусы съезжались в одной точке: на погрузочном терминале вокзала Вестбанхоф. Арестованных заталкивали в товарные вагоны. Часть направлялась в Дахау, часть – в Бухенвальд. Большинство из них так и не вернулось домой.

* * *

Густав рассеянно крутил в пальцах тонкую полоску ткани – обрезок, лоскуток, напоминание о его бывшей профессии. По улице разносился стук молотков: рабочие досками заколачивали витрины еврейских лавок. Больше они еврейскими не были.

Обводя взглядом Им Верд и рынок до самой Леопольдгассе, он отмечал мастерские, еще недавно принадлежавшие его друзьям-евреям, которые теперь или стояли пустые, или перешли в чужие руки. Как соседи, выдавшие их с Фрицем штурмовикам, многие новые владельцы считались друзьями людей, чьи лавки они захватили. В парфюмерном магазине Ошшорна на углу рыночной площади заправлял теперь Вилли Пошль, живший в одном доме с Густавом. Мясники, торговцы птицей и фруктами лишились своих прилавков на рынке: еще одна приятельница Густава, Митци Штайндль, приняла горячее участие в изгнании евреев и захвате их торговли; до этого она жила бедно, и Густав выручал ее, нанимая к себе швеей, просто чтобы помочь.

Люди, составлявшие целый социальный класс, были объявлены врагами, и, почуяв легкую добычу, друг отворачивался от друга без колебаний и без сожалений. Многие находили удовольствие в доносах, унижениях, грабежах, избиениях и высылках. Большинство сходилось

---

⁶² *Westdeutscher Beobachter* (Кельн), 11 ноября 1938.

⁶³ *Westdeutscher Beobachter* (Кельн), 11 ноября 1938.

⁶⁴ Германская газета без названия, процитировано генеральным консулом Великобритании в Вене, 11 ноября 1938, в Министерстве иностранных дел, *Papers*, с. 15.

⁶⁵ Cesarani, *Final Solution*, с. 199.

⁶⁶ «Зеленый Генрих» – то же самое, что «Черная Мария», или полицейский фургон.

на том, что еврей не может быть другом – не может опасное, хищное животное быть другом человеческому существу, это немислимо.

Английский журналист отмечал: «Совершенно справедливо, что формально евреев в Германии не приговаривали к смерти, их просто лишили возможности жить»⁶⁷. Смирившись с этим, сотни евреев кончали самоубийством, принимая неизбежное и избавляя себя от дальнейших мучений. Многие решали уехать и попытаться устроиться где-нибудь еще. С самого Аншлюса австрийские евреи предпринимали попытки эмигрировать, но теперь число желающих и их отчаяние многократно возросли.

* * *

Густав с Тини говорили об отъезде. У Тини в Америке жили родственники, эмигрировавшие много лет назад. Но уехать из Рейха в поисках лучшей жизни для еврейской семьи без денег или связей было крайне тяжело. За пять с половиной лет с момента, когда в Германии к власти пришли нацисты, оттуда эмигрировали десятки тысяч евреев, и многие страны начинали сопротивляться такому притоку эмигрантов и беженцев.

В Австрии еврейская эмиграция – как и жизнь в целом – находилась под контролем Адольфа Эйхмана. Бывший сотрудник разведки и внутренней безопасности СС, австриец Эйхман считался в ней главным специалистом по делам евреев⁶⁸. Его решение «еврейского вопроса» заключалось прежде всего в том, чтобы подталкивать их к отъезду, который оформлялся через центральную службу еврейской эмиграции. Он возобновил работу Израильского культурного центра (ИКГ), организации, занимавшейся в Вене делами еврейской культуры и благосостояния, принудив ее руководство войти в свой аппарат. Центр собирал информацию по евреям и занимался бюрократическими процедурами, требовавшимися для их выезда.

Несмотря на стремление избавиться от евреев, нацисты все же препятствовали их отъезду. Они отбирали у них деньги, облагая беспрецедентными налогами и сборами, включая налог «за побег из Рейха» в размере 30 % от всей собственности и «компенсацию» в 20 % (за «гнусные преступления» еврейства)⁶⁹, требовали бесконечные взятки и обменивали валюту по грабительскому курсу. Более того, подтверждение об уплате налога действовало лишь несколько месяцев, а получение визы зачастую длилось гораздо дольше. Заявителей запросто могли вернуть к началу процедуры и заставить платить налоги заново. Нацистское правительство стало *одалживать* ИКГ деньги, чтобы помочь обедневшим евреям заплатить за билеты и снабдить их валютой на дорогу⁷⁰. Получалось, что ненависть нацистов стопорила работу их собственной бюрократической машины.

Сложней всего было найти страну, куда ехать. Люди по всему миру осуждали нацистов и критиковали свои правительства за то, что те мало помогают беженцам. Однако гораздо громче звучали голоса тех, кто не хотел, чтобы эмигранты являлись, отнимали у них доходы и размывали их общины. Германская пресса насмеялась над лицемерием мировых держав, которые оскорбленно рассуждали о тяжелой судьбе евреев, но ничего не предпринимали для их поддержки. *The Spectator* провозглашал «позором, особенно для христианства, что в современном мире с его гигантскими богатствами и ресурсами для этих страдальцев не находится места»⁷¹.

Для семьи Кляйнманов их город стал, словами британского журналиста,

---

⁶⁷ *The Spectator*, 18 ноября 1938, с. 836.

⁶⁸ David Cesarani, *Eichmann: His Life and Crimes* (2005), сс. 6off.

⁶⁹ Heydrich, цитируется у Cesarani, *Final Solution*, с. 207.

⁷⁰ Doron Rabinovici, *Eichmann's Jews: The Jewish Administration of Holocaust Vienna, 1938–1945*, пер. Nick Somers (2011), сс. 5off.; Cesarani, *Final Solution*, с. 147ff.

⁷¹ *The Spectator*, 29 июля 1938, с. 189.

...городом преследований, городом садизма... и никакими примерами жестокости и зверств невозможно передать читателю, не побывавшему в атмосфере Вены, то, каким воздухом вынуждены дышать австрийские евреи... какой ужас они испытывают, слышав звонок в дверь, какая ненависть витает в воздухе... Почувствуй вы все это, вы поняли бы, почему семьи и друзья готовы расставаться, чтобы эмигрировать по разные стороны земли⁷².

Даже после Хрустальной ночи иностранные правительства, консервативная пресса и демократические силы продолжали возражать против расширения квот на въезд для еврейских эмигрантов. Запад, глядя на Европу, видел не только несколько сотен тысяч евреев из Германии и Австрии, но и вздымающуюся за их спинами миллионную волну эмиграции из восточноевропейских стран – в одной Польше евреев насчитывалось три миллиона, – недавно принявших антиеврейские законодательства.

«Стыдно смотреть, – заявлял Адольф Гитлер, – как весь демократический мир заливается слезами сочувствия к бедным замученным евреям, но остается жестокосердным и непреклонным, когда речь заходит о том, чтобы им помочь»⁷³. Гитлер высмеивал Рузвельта с его «так называемой совестью»; в Вестминстере главы партий собрались, чтобы обсудить возможность помощи евреям, но министр внутренних дел сэр Сэмюэль Хор предупредил о «скрытых подозрениях и тревожности, связанной с притоком иностранцев» и высказался против массовой иммиграции⁷⁴. Тем не менее остальные, во главе с предводителями лейбористов Джорджем Вудсом и Дэвидом Гренфеллом, настояли на помощи еврейским детям – чтобы спасти «молодое поколение великого народа», которому «всегда удавалось... вносить благородный и щедрый вклад» в уклад жизни страны, давшей ему приют⁷⁵.

Тем временем евреям в Рейхе оставалось только пытаться выжить и, простаивая целыми днями в очередях перед консульствами западных стран, ждать и надеяться, что их заявление одобряют. Для тысяч людей в концентрационных лагерях эмигрантская виза являлась единственной надеждой на спасение. Сотни евреев в Вене оказались без крова и боялись подавать заявление на визу, понимая, что их могут арестовать⁷⁶.

У Густава не было денег и не было собственности, чтобы набрать достаточную сумму, позволявшую преодолеть бюрократические заслоны. Да и не чувствовал он в себе сил начинать новую жизнь в чужой стране. Последнее слово оставалось за Тини, а она просто думать не могла о том, чтобы уехать. Она корнями уходила в Вену, родилась и выросла здесь. В ее годы, куда ни убеги, везде будешь чувствовать себя оторванной от дома. Дети – другое дело. Особенно она тревожилась за пятнадцатилетнего Фрица: один раз нацисты его уже схватили и могут схватить снова. Очень скоро он уже не будет подростком, и возраст его не спасет.

В декабре 1938 года более тысячи еврейских детей уехали из Вены в Британию – первая партия из запланированных пяти тысяч, принять которых согласилось британское правительство, решившееся в кои-то веки пойти немного дальше обычных благих намерений⁷⁷. Впоследствии в Британию в рамках *Kindertransport* их попадет более десяти тысяч. Однако это была лишь малая часть всех, кто нуждался в убежище. Британцы предложили пропустить в Палестину еще до десяти тысяч детей. Тини слышала об этом предложении и надеялась устроить

---

⁷² *The Spectator*, 19 августа 1938, с. 294.

⁷³ Адольф Гитлер, обращение к рейхстагу, 30 января 1939, цитируется в *The Times*, 31 января 1939, с. 14; также в Arad et al., *Documents*, с. 132.

⁷⁴ *Daily Telegraph*, 22 ноября 1938; также House of Commons *Hansard*, 21 ноября 1938, т. 341, сс. 428–483.

⁷⁵ *Daily Telegraph*, 22 ноября 1938; также House of Commons *Hansard*, 21 ноября 1938, т. 341, сс. 428–483.

⁷⁶ Свидетельство В.226, АWK.

⁷⁷ *The Times*, 3–21, декабрь 1938 года.

Фрица на один из транспортов⁷⁸; он был достаточно взрослый, чтобы выжить, зарабатывая собственным трудом, в отличие от восьмилетнего Курта. Переговоры по Палестине затянулись на несколько месяцев. Арабы боялись, что их вытеснят с собственных земель, что они перестанут быть доминирующим большинством и тем самым лишатся надежды на создание собственного независимого палестинского государства. На этом переговорах был положен конец⁷⁹.

Пока остальные члены семьи колебались и размышляли, Эдит Кляйнман точно знала, что хочет уехать. Мало того, что ей приходилось сносить унижения и насмешки, она, веселая и живая, не могла и дальше сидеть взаперти, словно пленница. Она хотела выбраться – чего бы это ни стоило.

Ее манила Америка, и от двух родственниц матери, которые там жили, она получила письма с подтверждением, что ей готовы предоставить обеспечение и крышу над головой. Вооружившись этими письмами, в конце августа 1938 года она зарегистрировалась в американском консульстве, чтобы подать прошение на визу⁸⁰. Таких желающих было множество, и препоны им чинили на обоих концах: и Госдепартамент, и нацистский режим. К концу года у Эдит возникло ощущение, что она обречена навсегда застрять в Вене. После Хрустальной ночи, измучившись от ожидания, она решила, что Англия в смысле эмиграции сулит больше перспектив.

С начала лета многие евреи – в основном женщины, которых отпускали из страны легче, – обратили свои взоры на Британию, как страну, куда можно попытаться уехать. Раздел объявлений *The Times* сулил неплохие перспективы⁸¹. Там искали разную работу: от служанок, поваров, шоферов и нянек до ювелиров, адвокатов, преподавателей музыки, механиков, учителей иностранного языка, садовников и бухгалтеров. Многие писали, что согласны на работу и ниже их квалификации. Соискатели активно себя рекламировали: «отличная учительница», «прекрасная повариха», «мастер на все руки», «с большим опытом», «с покладистым характером». С течением времени объявления становились все отчаянней: «любая работа», «срочно ищу», «с ребенком 10 лет (может при необходимости жить в детском доме)», «неотложно» – последняя надежда людей, над которыми уже нависли тюремные стены, и дверь грозила вот-вот захлопнуться.

Больше всего шансов получить визу было у домашней прислуги с рекомендациями⁸². Ближайшая соседка Кляйнманов, Элка Юнгман, разместила в газете объявление, которое мало чем отличалось от сотен остальных:

Повариха, с рекомендациями после долгосрочной службы (еврейка), также помощница по хозяйству, с опытом работы, ищет место. – Элка Юнгман, Вена 2, Им Верд 11/19⁸³.

Эдит, учившаяся на модистку, не имела опыта работы прислугой и не собиралась его приобретать. Она хорошо одевалась, хорошо жила и считала себя леди. Прибиратель в доме? Нет, это не для нее. Но Тини взяла дело в свои руки, обучила ее всему, что умела, и нашла для нее место служанки в богатой семье венских евреев. Эдит проработала на них месяц, и они, по доброте душевной, выдали ей рекомендацию, подтверждающую, что она была служанкой полгода. Благодаря невероятному везению Эдит удалось найти работодателя в Англии, и теперь оставалось только получить визу и разрешение на выезд от нацистских властей.

---

⁷⁸ Фриц Кляйнман, 1997, интервью.

⁷⁹ *Manchester Guardian*, 15 декабря 1938, с. 11; 18 марта 1939, с. 18.

⁸⁰ Письмо из Комитета еврейских беженцев Лидса в Департамент зарубежных территорий, Комитет еврейских беженцев, Лондон, 7 июня 1940, LJJ.

⁸¹ *The Times*, объявления, 1938–1939, в разных случаях.

⁸² Louise London, *Whitehall and the Jews, 1933–1948; British Immigration Policy, Jewish Refugees and the Holocaust* (2000), с. 79.

⁸³ *The Times*, 8 ноября 1938, с. 4.

Это было самое сложное. Британское правительство выдавало лишь по несколько виз в день⁸⁴. Перед консульством стояла огромная очередь, которая почти не двигалась. Двадцать четыре часа в сутки все члены семьи, сменяя друг друга, дежурили в ней, чтобы Эдит не потеряла своего места. Несмотря на пронизывающий холод, они продолжали стоять, а очередь за день сдвигалась на каких-то пару человек. Такие же толпы собирались и перед другими консульствами, и время от времени полиция их разгоняла; нередко на евреев налетали штурмовики, избивавшие тех, кто стоял в конце⁸⁵. Только спустя неделю Эдит наконец вошла в величественные двери дворца Капрара-Геймюллеров, в котором располагалось консульство Британии⁸⁶. У нее приняли заявление. И она принялась ждать. Наконец, в начале января 1939 года Эдит получила визу.

Ее отъезд стал для всей семьи тяжелым ударом. Никто не знал, увидятся ли они когда-нибудь снова. Она села в поезд и исчезла из их жизни, оставив зияющую пустоту.

Через несколько дней Эдит на пароме пересекла пролив, оставив за спиной все ужасы и унижения, но вместе с тем и все, что она знала, и всех, кого любила, в страхе от того, что могло с ними произойти. В последующие годы, уже взрослая, рассказывая своим детям о том времени, она всегда замолкала, дойдя до отъезда, словно боль по-прежнему была слишком сильной, хотя все остальное давно утратило остроту – воспоминания о расставании с родными сказались на ней значительней, чем все, что случилось до того.

* * *

В Вене гонимая еврейская община превратилась в бледный призрак себя прежней. Те, кому довелось там побывать в начале лета 1939 года, говорили, что Вена выглядела еще страшней, чем Германия: целые улицы домов и лавок в Леопольдштадте пустовали с тех пор, как из них изгнали евреев; некогда оживленные, они превратились теперь «в подобие мертвого города»⁸⁷.

Сионистская молодежная алия, официальной задачей которой была подготовка молодых евреев к жизни в кибуцах в Палестине, активно работала с детьми: защищала, обеспечивала им учебу, освоение ремесел и базовой медицины. Две трети евреев, оставшихся в Вене, зависели теперь от благотворительности, в основном со стороны соотечественников. Они старались как можно реже выходить на улицу. Во многих районах им было опасно показываться после заката, особенно в дни митингов нацистской партии, когда на них регулярно нападали распаленные пропагандистскими речами германские и австрийские штурмовики. В некоторые районы они вообще не заходили ни днем ни ночью.

В своей квартирке Кляйнманы крепко держались друг за друга, особенно сплотившись после отъезда Эдит. Курт ходил в одну из импровизированных школ, а его брат и сестра старались хоть как-нибудь помочь родителям. В то лето Фрицу исполнилось шестнадцать, и он получил новый паспорт. Из всех фотографий на *J-Karte* в семье сохранились только снимки Фрица, на которых красивый мальчик в одной нижней майке с ненавистью смотрел в камеру.

Время от времени до Вены добирались письма от Эдит, простенькие и краткие. Она устроилась прислугой, у нее все хорошо. Живет в пригороде Лидса, работает в семье русской еврейки, хозяйку зовут миссис Бростофф. О своих переживаниях Эдит не писала ни слова.

---

⁸⁴ Система могла справиться с изучением данных лишь небольшого количества заявителей; женщины, желавшие стать служанками, получали визы проще, чем мужчины, поэтому более половины евреев, въехавших в Британию в 1938–1939 годах, были женщинами (Cesarani, *Final Solution*, с. 158). Министерство внутренних дел передало дела еврейских беженцев в специальные агентства, что повысило количество рассматриваемых дел до 400 в неделю (там же, с. 214).

⁸⁵ Письмо генерального консула Великобритании в Вене, 11 ноября 1938, в Министерстве иностранных дел, *Papers*, с. 15.

⁸⁶ В этом здании на Валленштрассе, 8, ныне находится Венская стоковая биржа.

⁸⁷ M. Mitzmann, “A Visit To Germany, Austria and Poland in 1939”, документ 0.2/151, YVP.

Летом письма еще приходили, но потом в одночасье прекратились: 1 сентября Германия напала на Польшу. Британия и Франция объявили войну, и между Эдит и семьей встала непроницаемая стена.

Девять дней спустя на них обрушился еще более тяжкий удар. 10 сентября Фрица схватили гестапо.

* * *

По Рейху прокатилась новая волна арестов. После вступления Германии в войну с Польшей все евреи польского происхождения стали считаться «враждебными иностранцами»⁸⁸. Густав, австрийский гражданин по рождению и воспитанию, казалось бы, был вне опасности. Однако те, кто был давно с ним знаком, знали и то, что на свет он появился в старинном королевстве Галиция. С 1918 года Галиция являлась частью Польши, поэтому, с точки зрения Германии, все евреи, рожденные там, считались поляками и, соответственно, представляли угрозу.

Беда пришла внезапно, в воскресенье, когда Тини была дома с Гертой, Фрицем и Куртом. Раздался громкий стук в дверь, от которого все они вздрогнули с ужасом.

Тини осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу. И тут же к ним вломились четверо, все соседи. Она знала каждое лицо; узнавала их морщинки под глазами и щетинистые щеки. Такие же трудяги, как Густав – она была знакома с их женами, их дети еще недавно играли вместе. Вот Фридрих Новачек с машиностроительного завода, а предводитель – Людвиг Хельмхакер, угольщик⁸⁹. Те же, кто выдал Густава властям в Хрустальную ночь. С тех пор Людвиг со своей нацистской бандой еще неоднократно наведывались к ним в дом.

– Что тебе теперь надо, Викерль? – слабым голосом спросила Тини, которую они бесцеремонно затолкали внутрь крошечной квартиры. (Несмотря ни на что, она по привычке называла Людвигу уменьшительным именем.)

– Ты же знаешь, у нас ничего нет – даже еды⁹⁰.

– Нам нужен твой муж, – сказал Людвиг. – У нас приказ; если Густля⁹¹ тут нет, мы заберем вашего парня.

И он кивнул на Фрица.

Тини показалось, что ее ударили. Она ничего не могла сделать, чтобы как-то повлиять на происходящее. Они забрали ее драгоценного мальчика, вывели его за дверь. Прежде чем уйти, Людвиг обернулся.

– Гляди, мы отведем Фрицля в полицию, но если Густав за ним придет, то парня отпустят.

Вернувшись в тот день домой, Густав нашел семью в панике и отчаянии. Узнав, что случилось, он без колебаний развернулся и пошел к дверям, чтобы тут же отправиться в полицию. Но Тини схватила его за руку.

– Не надо! – взмолилась она. – Они тебя заберут.

– Я не оставлю Фрицля у них в лапах.

Он снова двинулся к выходу.

– Нет! – плакала Тини. – Тебе надо бежать, надо где-то укрыться.

---

⁸⁸ Harry Stein (составитель), *Buchenwald Concentration Camp 1937–1945*, ed. Gedenkstätte Buchenwald (2004), сс. 115–116; Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, сс. 80–81.

⁸⁹ Фриц вспоминал (интервью 1997), что третьего мужчину звали Шварц, хотя никаких записей о человеке с таким именем, жившим на Им Верд, 11, не обнаружено. Имени четвертого (одного из будущих нацистских лидеров) Фриц так и не вспомнил.

⁹⁰ Диалог приведен по интервью, данному Фрицем и Куртом Кляйнманами. Оба они очень ясно помнили эти сцены.

⁹¹ Уменьшительно-ласкательная форма имени в Восточной Австрии, напр, Фрицль, Густль.

Но он оставался непоколебим. Оставив Тини в слезах, Густав быстро зашагал к полицейскому участку на Леопольдсгассе. Набравшись мужества, он вошел внутрь и обратился к офицеру за стойкой.

– Я Густав Кляйнман. Мне велели прийти. У вас мой сын. Возьмите меня, а его отпустите.

Полицейский огляделся по сторонам.

– Убирайся, – прошептал он. – К чертовой матери, убирайся отсюда!

Потрясенный, Густав вышел из здания. Дома его встретила Тини: одновременно счастливая, что снова видит мужа, и в отчаянии от того, что Фрица до сих пор нет.

– Попробую еще раз завтра, – сказал он.

– Они еще раньше придут за тобой, – ответила она.

И снова начала упрашивать, чтобы он бежал, чтобы прятался – а он отказался.

– Скорей уходи, – настаивала она, – или я включу газ и убью себя.

Курт и Герта в ужасе смотрели на родителей. Их стойкость служила опорой всей семье; видеть обоих в отчаянии было невыносимо.

Наконец Тини одержала верх. Густав ушел из дома, обещав подыскать надежное укрытие. Весь день и всю ночь женщина сидела как на иголках, прислушиваясь к каждому шороху на лестнице. Никто не пришел. Но поздно ночью Густав сам вернулся. Ему некуда было идти, и он представить не мог, как бросить Тини одну с детьми. Не обнаружив его, нацисты могли увести любого из них.

За ним пришли в два часа. Заколотили в дверь, ворвались в квартиру, выкрикивая приказы, схватили Густава. Слезы, мольбы, последние отчаянные слова прощания между мужем и женой. Ему разрешили взять с собой кое-что из одежды: свитер, шарф, пару носков⁹². Все было кончено. Дверь захлопнулась, и Густав ушел.

---

⁹² Карта учета заключенных Бухенвальда 1.1.5.3/6283389, ITS.

Часть вторая. Бухенвальд

Кровь и камни: концентрационный лагерь Бухенвальд

Убедившись, что остался один, Густав вытащил из кармана маленький блокнот и карандаш. Написал своим острым, угловатым почерком: «Прибыл в Бухенвальд 2 октября 1939, два дня пути на поезде».

С момента ареста прошло чуть больше недели, случилось много важного, но даже самый сжатый рассказ занял бы слишком много драгоценных листков. Ему удалось припрятать блокнот, хоть он и понимал, что за это его могут расстрелять. Густав понятия не имел, выберется ли отсюда. Но, что бы ни случилось, дневник сможет свидетельствовать за него.

Он разглядел страницу и продолжил писать: «С вокзала в Веймаре в лагерь добирались бегом...»

* * *

Двери вагона со скрипом распахнулись, и внутрь хлынул свет, а следом за ним адский хор оглушительных приказов и яростного лая собак. Фриц, моргая, завертел головой, силясь осознать, что происходит⁹³.

Казалось, прошли годы с тех пор, как Викерль Хельмхакер со своей бандой увели его от матери. Фрица так и не отпустили, и только этим он себя и утешал: значит, отец остался на свободе и сумел скрыться.

Сначала Фрица держали в отеле «Метрополь», главном штабе венского гестапо. В Вене арестовали столько евреев, что эсэсовцы не знали, где всех разместить. Через несколько дней, проведенных в камере, Фриц в числе тысяч других заключенных оказался на футбольном стадионе близ Пратера. Там, под охраной, в полной антисанитарии, они провели почти три недели. Потом их всех конвоировали на Вестбанхоф и затолкали в товарные вагоны.

Путь до Германии растянулся на два дня. Шестнадцатилетний Фриц, тесно зажатым между перепуганными, истекающими потом людьми, один в свои шестнадцать, тяжело страдал от бесконечной тряски. Кого там только не было: уважаемые отцы семейств, бизнесмены, ученые в очках, рабочие, заросшие щетиной, красавцы и уроды, храбрые и трусливые, покорные и возмущенные. Некоторые молчали, некоторые что-то шептали или молились, а кто-то бесконечно разговаривал. Каждый был отдельным человеком, со своей матерью, женой, детьми, родными, с собственной профессией и определенным местом в жизни в Вене. Но для мужчин в форме, охранявших вагон, все они представляли собой просто стадо.

– На выход, еврейские свиньи, сейчас же! Выходим-выходим-выходим!

Они вышли на ослепительный свет. Тысяча тридцать пять евреев – разъяренных, возмущенных, растерянных, испуганных, оглушенных – выгрузились из товарных вагонов на перрон железнодорожного вокзала в Веймаре под градом выкриков и тычков, в оглушительном лае овчарок⁹⁴. Местные жители собрались посмотреть на прибытие состава; они стояли за оцеплением и громко хохотали, отпуская оскорбительные шутки.

---

⁹³ Основано преимущественно на дневнике Густава Кляйнмана и воспоминаниях Фрица, с дополнительными деталями из других источников (напр., Jack Werber and William B. Helmreich, *Saving Children* (1996), сс. 1–3, 32–36; Stein, *Buchenwald*, с. 115–116; свидетельства В.82, В.192, В.203, АWK).

⁹⁴ Фриц Кляйнман (в Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 12) приводит цифру 1048 венских евреев в этом поезде, но другие источники (Stein, *Buchenwald*, с. 116) указывают 1035.

Заклученные – многие с мешками и свертками, даже с чемоданами – под ударами конвоиров построились в колонну. С перрона их погнали в тоннель, потом опять наверх, и только бегом. Толпа еще некоторое время следовала за ними по городской улице, идущей на север.

– Давайте, еврейские свиньи, пошевеливайтесь!

Даже Фрицу было тяжело бежать на затекших ногах. Если кто-то оступался, делал шаг в сторону, просто сбивался с ноги, если один заключенный заговаривал с другим, на него обрушивался град ударов прикладом винтовки: по плечам, по спине, по голове.

Германские эсэсовцы оказались еще страшней, чем те, которых Фриц повидал в Вене: они были из подразделения «Мертвая голова», и на их фуражках и воротничках красовались черепа со скрещенными костями, а жестокость не знала пределов. Пьяницы и садисты с психическими отклонениями и душевными заболеваниями, облеченные сознанием своей значимости и наделенные практически безграничной властью, которым внушили, что они – солдаты на войне против внутреннего врага.

Фриц продолжал бежать, а вокруг него разверзлся настоящий ад. Улица закончилась, и теперь колонна двигалась по сельской дороге. С обочин в них плевали и выкрикивали ругательства. Тех, у кого заплетались ноги от старости или усталости, а то и под тяжестью поклажи, тут же пристреливали. Человек мог наклониться завязать шнурок, упасть, попросить воды – и его убивали. По пологому склону они добрались до леса. Там колонна свернула на свежую бетонную дорогу. Позднее ее окрестили «Кровавой дорогой». Множество заключенных погибло на ней, и каждый день их кровь мешалась с новой, когда проходила следующая колонна.

От долгого бега легкие буквально полыхали, но тут Фриц заметил знакомую высокую худую фигуру далеко впереди. Прибавив скорость, он поравнялся с ней. И оказался прав – рядом, вопреки здравому смыслу, действительно бежал его отец! Измотанный, вспотевший, под мышкой узелок с запасной одеждой, который успела собрать Тини.

Густаву показалось, что Фриц материализовался из ниоткуда. Для ликования и объятий момент был неподходящий; держа рот на замке, не отдаляясь друг от друга, они бежали в центре колонны, чтобы не попасть под удары прикладов, заставляя себя не слушать выстрелы, вперед и в гору, глубже и глубже в лес.

Гора – пологая, покрытая густыми буковыми рощами, – называлась Эттерсберг. Много веков она являлась охотничьими угодьями герцогов Саксен-Веймара, а позднее стала популярным местом для пикников. В эти края любили удаляться художники и мыслители, с ними были тесно связаны имена Шиллера и Гете⁹⁵. Сам город Веймар считался главным центром германской классической культуры, средоточием ее наследия; основав на горе Эттерсберг концентрационный лагерь, нацистский режим оставил на этом наследии нестираемый отпечаток.

Чтобы пробежать восемь километров, у заключенных ушло больше часа, наконец они по «Кровавой дорогой» свернули на север и оказались на большом расчищенном участке посреди леса. Вокруг него стояли здания разных размеров и форм – некоторые уже готовые, некоторые еще строящиеся, а какие-то едва начатые. Это были казармы и служебные постройки СС, инфраструктура механизма, в котором пленники были одновременно и топливом, и мотором. Бухенвальд – названный так из-за густого букового леса, ковром укрывавшего гору, – был не просто концентрационным лагерем: он считался образцовым поселением СС, которое вскоре уже соперничало по масштабам с самим городом. Тому, что происходило там, было суждено впоследствии лечь позорным пятном на культурное наследие Веймарской Германии. Заключенные называли лагерь не Бухенвальд, а Тотенвальд – Лес мертвых⁹⁶.

Дорогу впереди перегораживали широкие низкие ворота с массивными створками. Это был вход непосредственно в лагерь. Сверху на них было написано:

---

⁹⁵ Stein, *Buchenwald*, сс. 27–28.

⁹⁶ См. также свидетельство В.203, АWK.

RECHT ODER UNRECHT – MEIN VATERLAND

Правая или неправая, это – моя страна: квинтэссенция национализма и фашизма. Ниже, на решетке, пленников встречало другое изречение:

JEDEM DAS SEINE

Каждому свое. Или, как еще его можно перевести, *Каждый получает то, что заслуживает.*

Измотанные, в поту и крови, новоприбывшие вбежали в ворота. Их осталось тысяча десять; двадцать пять человек, вместе со всеми выехавшие из Вены, лежали сейчас мертвые на обочинах «Кровавой Дороги»⁹⁷.

Они оказались за непроницаемым кордоном: лагерь окружала стена из колючей проволоки с двадцатью двумя сторожевыми башнями, на которых стояли прожекторы и пулеметы; стена была три метра высотой, а по проволоке бежал ток под смертельным напряжением 380 вольт. Наружный периметр контролировали караульные, а внутри находилась полоса песка, так называемая нейтральная зона – любого заключенного, ступившего на нее, расстреливали без предупреждения⁹⁸.

Сразу за воротами начиналась *Appelplatz*, площадь для перекличек. По одной ее стороне стояли приземистые казармы, расхлывшиеся ровными рядами вниз по склону, а за ними более высокие двухэтажные здания. Новоприбывших, в том числе Густава с Фрицем, заставили встать на площади в строй. Они стояли под прицелами пулеметов, неловкие и неприбранные, в своих запачканных деловых костюмах и рабочей одежде, свитерах и рубашках, плащах, шляпах и строгих туфлях, кепках и ботинках со шнуровкой, бородатые, лысые, с приглаженными волосами и всклокоченными гривами. Туда же, на плац, приволокли и сбросили тела застреленных по дороге в лагерь.

Потом к ним вышла группа с иголки одетых эсэсовцев. Вперед ступил один – средних лет, с пухлыми щеками, чуть сутулившийся. Как они узнали позже, это был комендант лагеря, Карл Отто Кох.

– Итак, – выкрикнул он, – вы, еврейские свиньи, теперь здесь. А тот, кто сюда попал, назад уже не выходит. Запомните – живым вам отсюда не выбраться.

Всех их внесли в регистрационный журнал и присвоили порядковые номера: Фриц Кляйнман – 7290, Густав Кляйнман – 7291⁹⁹. Приказы им выкрикивали неразборчиво, и многие венцы, не привыкшие к германским диалектам, не понимали, чего от них хотят. Их заставили раздеться догола и затолкали в помывочный блок, где из душей лился практически кипяток (многие, не выдерживая такой температуры, падали под ним в обморок). Дальше последовало обливание едким дезинфицирующим раствором¹⁰⁰. Голые, они вышли во двор, где им обрили головы, и, снова под градом ударов прикладами и дубинками, их погнали на площадь для построения.

Заключенным выдали лагерную форму: кальсоны, носки, ботинки, рубахи и ставшие впоследствии печально знаменитыми штаны и куртки в синюю полоску. Пошито все было кое-как. При желании за двадцать марок заключенный мог купить свитер и перчатки¹⁰¹, но у большинства не имелось при себе даже пфеннига. Их собственную одежду – включая сверток Густава – сразу отобрали.

---

⁹⁷ Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 15n.

⁹⁸ Stein, *Buchenwald*, с. 35.

⁹⁹ Карты учета заключенных Бухенвальда 1.1.5.3/6283376, 1.1.5.3/6283389, ITS. Татуировок там не было; эту практику начали в Освенциме в ноябре 1941 года, и в других лагерях она не применялась (Wachsmann, *KL*, с. 284).

¹⁰⁰ Werber and Helmreich, *Saving Children*, с. 36.

¹⁰¹ Свидетельство В.192, АWK.

С бритыми головами, в униформах, новички перестали быть людьми, превратившись в единую массу, различавшуюся исключительно по номерам; выделиться из толпы можно было разве что торчащим животом или высоким ростом. Таким жестоким обращением новоприбывшим демонстрировали, что они теперь собственность СС и обязаны делать то, что им приказывают. Каждый получил полоску ткани со своим номером, которую следовало пришить на грудь форменной куртки, и индивидуальный символ. Посмотрев на свой, Фриц увидел, что это Звезда Давида, состоящая из двух треугольников, желтого и красного. Такие же были и у остальных, кто прибыл вместе с ним. Красный треугольник указывал на то, что их арестовали как евреев польского происхождения, враждебных иностранцев, которых следовало помещать под «защитный арест» (в целях защиты народа и государства)¹⁰².

Теперь вдоль их строя прошел другой офицер СС, с лицом плоским, как лопата – заместитель коменданта Ганс Хюттиг, отъявленный садист. С отвращением глядя на заключенных, он покачал головой и сказал:

– Понять не могу, как такой сброд до сих пор разгуливал на свободе¹⁰³.

Дальше их отвели в «малый лагерь», карантинную зону на западном краю плаца, обнесенную двойным рядом колючей проволоки. Вместо бараков там было четыре огромных палатки с деревянными нарами в четыре этажа¹⁰⁴. В последние пару недель в Бухенвальд поступило больше восьми тысяч заключенных, что более чем в двадцать раз превышало обычные темпы¹⁰⁵, и палатки были переполнены людьми.

Густаву и Фрицу пришлось делить койку шириной два метра с тремя другими мужчинами. Матрасов не было – только голые доски. Каждый получал одеяло, поэтому заключенные хотя бы не мерзли. Стиснутые, как сардины в банке, с пустыми желудками, смертельно усталые, они тут же заснули.

На следующий день новыми заключенными занялось лагерное гестапо: их фотографировали, снимали отпечатки пальцев и наскоро допрашивали; процесс занял все утро. В обед они получили первую горячую пищу: по пол-литра жидкой похлебки, в которой плавали куски нечищенной картошки и турнепса с ошметками жира и мяса. Ужин состоял из четверти буханки хлеба и небольшого куска колбасы. Буханки выдавали целиком, а поскольку ножей у них не было, то делили хлеб кое-как, что часто приводило к яростным спорам и стычкам.

Восемь дней они провели в карантине, а затем приступили к работе. Большинство сразу отправилось на каменный карьер, но Густава и Фрица назначили выгрести отбросы на кухне. Целый день над заключенными измывались, низводя до состояния рабов. В дневнике Густав записал: «Я проследил, за что эсэсовцы избивают заключенных, и присматривал за моим мальчиком. Делал ему знаки глазами; я оценивал ситуацию и понимал, как следует себя вести. Фриц начал понимать это тоже».

---

¹⁰² Символом концентрационного лагеря был инвертированный треугольник, цвет которого означал категорию заключенного: красный у политических, зеленый у преступников, розовый у гомосексуалистов и так далее. У евреев этот знак соединялся с еще одним, желтым, треугольником, образуя Звезду Давида; если еврейский заключенный не попадал ни под какие другие категории, оба треугольника были желтые.

¹⁰³ Emil Carlebach, in David A. Hackett (ред., перевод), *The Buchenwald Report* (1995), сс. 162–163.

¹⁰⁴ Не то же самое, что «малый лагерь», появившийся в 1943 году к северу от казарм (Stein, *Buchenwald*, сс. 149–151). Сохранилось детальное описание первоначального малого лагеря в 1939–1940 гг., составленное заключенным: Felix Raush, Hackett, *Buchenwald Report*, сс. 271–276.

¹⁰⁵ Hackett, *Buchenwald Report*, с. 113–114. После Хрустальной ночи в лагерь поступило 10 098 человек. Впоследствии более 9000 выбыли вследствие освобождения, перевода или смерти (около 2000 смертей в 1938–1939 гг., не считая тех, кого убили по пути из Веймара в лагерь, там же, с. 109). Количество заключенных Бухенвальда в 1938–1939 гг. убывало, но потом снова резко возросло осенью 1939-го (8707 человек в сентябре-октябре).

Так заканчивалась его первая заметка. Он перечитал то, что написал – две с половиной страницы, конечно, не могли вместить всех их тягот и страхов. Прошло всего восемь дней. Сколько еще впереди?¹⁰⁶

* * *

Густав понимал: чтобы оставаться в безопасности, жизненно важно не привлекать к себе внимания. Но в следующие два месяца с их приезда в Бухенвальд они с Фрицем нарушили это правило, да еще самым опасным способом – Густав ненамеренно, а Фриц нарочно¹⁰⁷.

Каждое утро, за полтора часа до рассвета, резкий свист вырывал их из милосердного сна. В палатки входили старшие и командир по бараку, криками поторапливая арестантов. Новичков поразило то, что старшие принадлежали к числу заключенных – это были в основном «зеленые», преступники с зелеными треугольниками на куртках. Эсэсовцы использовали их как надзирателей, чтобы самим поменьше соприкасаться с массой узников.

Под пронзительные свистки Фриц и Густав обували ботинки и слезали на землю, погружаясь по щиколотки в жидкую грязь на утоптанном полу. Лагерь заливал огонь прожекторов, расставленных вдоль периметра на караульных башнях; они освещали все дороги и открытые пространства. Заключенных выстраивали на плацу на перекличку и выдавали по кружке жевательного кофе. Кофе был сладкий, но сил не давал, к тому же успевал остыть до того момента, как они его получали. Раздача длилась медленно, и все это время они стояли в молчании, неподвижно, трясясь в своей тонкой одежде по несколько часов. Когда над верхушками деревьев занималась заря, узников гнали на работу.

На кухне Густав с Фрицем продержались недолго и теперь вместе со всеми работали в каменном карьере. Ровными колоннами они выходили из ворот и поворачивали направо, где дорога шла вниз между главным лагерем и казармами СС – двухэтажными кирпичными зданиями, пока еще в процессе строительства, которые плавными линиями расходились от центра, словно лопасти вентилятора. Нацисты обожали свои масштабные архитектурные проекты, даже в концлагерях – иллюзию изящества, порядка и значительности, маскировавшую кровавую реальность.

Немного ниже по склону заключенные проходили через внутреннюю линию охраны. За пределами основного лагеря заборов не было, и карьер ограждали цепи эсэсовских караульных. Они стояли с интервалами в двадцать метров; каждый второй был вооружен винтовкой или автоматом, а остальные – дубинками. Любого, кто пытался преодолеть ограждение, расстреливали на месте. Броситься на охранника означало верное самоубийство, и порой отчаявшиеся заключенные так и поступали. Караульные забавлялись тем, что толкали арестантов к оцеплению. В лагере существовал «журнал побегов», где записывались имена охранников и количество застреленных ими «беглецов» – за каждого премировали дополнительными днями отпуска.

Карьер был большой – светлый шрам из сырого известняка на зеленом склоне горы. Если поднять голову, когда расступались вечные туманы и дожди, оттуда открывался вид на равнину, тянущуюся на запад до бледного горизонта. Но головы никто не поднимал – даже на мгновение. Работа была тяжелой, нескончаемой, опасной; мужчины в полосатых пижамах

---

¹⁰⁶ Фриц позднее писал: «Я знаю, что отец рисковал жизнью со своим дневником. Никто из других заключенных его не поддерживал, он ставил себя и всех нас под угрозу. Даже до сих пор я не знаю ответа на вопрос: где мой отец прятал блокнот? Как пронес его через все кордоны?» (Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, сс. 12–13). Однажды Густав открыл, что когда находился в бараке, то прятал блокнот между нарами, а когда выходил, то всегда носил его с собой. (Фриц Кляйнман, интервью 1997 года).

¹⁰⁷ Этот рассказ основывается преимущественно на дневнике Густава Кляйнмана и воспоминаниях Фрица, с дополнительными деталями из других источников (в т. ч. Hackett, *Buchenwald Report*; Stein, *Buchenwald*; Свидетельство В.192, АWK).

копали камень, откалывали камень и перевозили камень, и, стоило кому-то отвлечься, надзиратели набрасывались на него с побоями. Их жестокость объяснялась тем, что при малейшем недовольстве эсэсовцев старшие возвращались обратно, в ряды обычных заключенных, где их ожидала неминуемая расправа¹⁰⁸.

В карьер и из него шла узкая железнодорожная колея, по которой катились громадные стальные вагонетки, каждая размером с деревенскую телегу; в них камень поднимали из карьера, чтобы доставить потом на стройплощадки близ Бухенвальда. Густав и Фриц работали толкальщиками; целый день они с еще четырнадцатью другими мужчинами поднимали груженные вагонетки весом около четырех с половиной тонн¹⁰⁹ вверх по склону, на расстояние примерно полкилометра, под градом окриков и ударов хлыстом. Рельсы лежали на битом камне, по которому их грязные ботинки и деревянные сабо отчаянно скользили. Главное была скорость – как только вагонетку опустошали, ее пускали обратно в карьер по второй колее, и она катилась под собственным весом, а шестнадцать мужчин удерживали ее, чтобы не дать сойти с рельсов. Они часто падали, ломали руки и ноги, разбивали головы. Если вагонетка сходила с рельсов, иногда перегораживая путь следующей, то оставляла за собой шлейф из раздавленных тел с отрезанными конечностями.

Раненых оттаскивали в медицинский изолятор; если это были евреи, то они сразу попадали в «Блок Смерти» – барак, где находились смертельно больные¹¹⁰. Арестантам с тяжелыми увечьями эсэсовский врач делал летальный укол¹¹¹. Даже легкие ранения в условиях полной антисанитарии, в которых жили заключенные, грозили гибелью. Для человека с плохим зрением потеря очков означала смертный приговор.

Пока что Густаву с Фрицем удавалось держаться, день за днем избегая наказаний и травм. «Делаем все возможное», – писал Густав в своем дневнике.

Так продолжалось две недели. Потом, 25 октября, в карантинном лагере разразилась дизентерия и лихорадка. Воды заключенным не выдавали, и в карьере они пили из луж; предположительно, это и стало причиной эпидемии. Более 3500 ослабевших мужчин теснились в своих палатках, где из санитарных удобств имелась только выгребная яма, так что инфекция распространилась, как пожар. Люди погибали десятками, каждый день.

Однако работы в лагере не прекращались. Все тот же скудный паек, все те же многочасовые переключки на плацу в холод и дождь, все те же побои и увечья. Особо жестоко эсэсовцы издевались над раввином по имени Меркль: его регулярно избивали до крови, а в конце принудили броситься на караульных. Дизентерия продолжала бушевать, и число умерших росло.

Несколько поляков, изголодавшись, сумели выбраться из малого лагеря и проникнуть в главную кухню, откуда вернулись с двенадцатью килограммами патоки, лакомства, слегка разнообразившего арестантский рацион. Радость длилась недолго. Вора изобличили, и весь малый лагерь подвергся, в качестве наказания, двухдневной голодовке. Еще через несколько дней из кладовой украли котел с зельцем. Арестанты голодали еще два дня и с утра до вечера стояли неподвижно, под караулом, на центральном плацу. Наказание еще продолжалось, когда из свинарника в северной части лагеря похитили свинью. Комендант лагеря Кох (живший в очаровательном домике рядом с бухенвальдским комплексом и любивший по воскресеньям прогуливаться в местном зоопарке с женой и детишками) лично распорядился не выдавать

¹⁰⁸ По словам Гиммлера, задачей надсмотрщиков было «следить, чтобы работа выполнялась... Если мы им недовольны, он больше не надсмотрщик и возвращается к другим заключенным. Он знает, что в первую же ночь его забьют до смерти» (цитируется в Rees, *Holocaust*, с. 79).

¹⁰⁹ Основывается на размерах вагонетки и плотности колотого известняка = 1554 кг/м³. По разным источникам каждую вагонетку тянули от шестнадцати до двадцати шести заключенных.

¹¹⁰ Густав называет это место «*Todes-Holzbarake*» («барак смерти»), вероятно, именно так называлось здание, куда отправляли больных евреев после того, как их решили не принимать в медицинский изолятор (блок 2, в юго-западном углу лагеря, выходящий на плац) в сентябре 1939 года (см. Emily Carlebach in Hackett, *Buchenwald Report*, с. 162).

¹¹¹ Stein, *Buchenwald*, с. 96.

заклоченным пищу, пока воры не будут пойманы. Одежду всех арестантов тщательно осмотрели в поисках брызг крови и опилок из свиных стойл. Допросы и избиения продолжались три дня, пока наконец не выяснилось, что воровали сами эсэсовцы¹¹².

Изнуренные голодом, изможденные бесконечной работой, оставшиеся в живых арестанты превратились в призраки – живых мертвецов.

А дальше стало еще хуже.

* * *

В среду 8 ноября 1939 года Адольф Гитлер прилетел в Мюнхен, чтобы возглавить ежегодный митинг нацистской партии в память неудавшегося Пивного путча 1923 года, когда он со своими последователями впервые попытался захватить власть в Баварии. Церемонию он открыл торжественной речью в гигантской пивной Бюргербройкеллер. Поскольку совсем недавно началась война, а запланированному вторжению во Францию угрожала плохая погода, фюрер собирался тут же вернуться в Берлин, и поэтому начал выступление на час раньше, чем планировалось. Через восемнадцать минут после его отъезда – когда выступление должно было быть в разгаре – взорвалась бомба колоссальной силы, заложенная в одну из колонн; те, кто стоял с ней рядом, погибли на месте, десятки участников митинга получили ранения¹¹³.

Теракт потряс всю Германию. Хотя заложивший бомбу Георг Эльзер был германским коммунистом, без всякого еврейского следа в родословной, нацисты привыкли винить евреев во всех смертных грехах. На следующий день – он пришелся на годовщину Хрустальной ночи – в концентрационных лагерях начались ответные жестокие меры. В Заксенхаузене заключенных подвергли издевательствам и пыткам, в Равенсбрюке еврейских женщин заперли в бараках почти на месяц¹¹⁴. Но даже эти зверства меркли перед тем, что произошло в Бухенвальде.

Рано утром 9 ноября всех еврейских заключенных, в том числе Густава и Фрица, отозвали из карьера и конвоировали назад, в главный лагерь. Им приказали вернуться в свои палатки, и, убедившись, что все на месте, сержант СС Йохан Бланк приступил к показательным казням.

Бланк был прирожденным садистом. Бывший помощник лесничего и браконьер из Баварии, он всегда охотно принимал участие в играх, когда заключенных толкали на караульную цепь, и многих из них застрелил лично¹¹⁵. В сопровождении других эсэсовцев, до сих пор не протрезвевших после вчерашнего праздника в честь Пивного путча, Бланк прошел по баракам и выбрал двадцать одного заключенного еврея, в том числе семнадцатилетнего мальчика, который по несчастливой случайности подвернулся ему по пути. Заключенных отвели к главным воротам, где они должны были стоять и смотреть, как эсэсовцы маршируют перед ними в подобии праздничного парада, который примерно в то же время проходил в Мюнхене. Потом ворота открыли и евреев повели вниз по склону в карьер.

Из своей палатки Густав и Фриц не могли видеть, что происходит снаружи, но звуки слышали хорошо. Некоторое время в карьере было тихо. Потом вдруг раздались автоматные очереди, одна за другой, а за ними отдельные выстрелы. И снова тишина¹¹⁶.

Вести о том, что случилось, быстро облетели лагерь. Заключенных отвели ко входу в карьер и там всех расстреляли. Некоторые попытались бежать, но их догнали и перебили на опушке леса.

---

¹¹² Stefan Heymann in Hackett, *Buchenwald Report*, с. 253.

¹¹³ Nigel Jones, *Countdown to Valkyrie: The July Plot to Assassinate Hitler* (2008), сс. 103–105.

¹¹⁴ Wachsmann, *KL*, с. 220.

¹¹⁵ Hackett, *Buchenwald Report*, с. 51; Stein, *Buchenwald*, с. 119.

¹¹⁶ Hackett, *Buchenwald Report*, сс. 231, 252–253; Wachsmann, *KL*, с. 220.

Однако день еще не закончился. Теперь сержант Бланк с сержантом Эдвардом Хинкельманом обратили свое внимание на малый лагерь. Они пошли по палаткам с инспекцией, придираясь к любым мелочам и словно подпитывая свой гнев. Заключенных выгнали на плац, построили, и старшие пошли по рядам, отбирая каждого двадцатого и вытаскивая его вперед. Они были все ближе к Густаву и Фрицу: *один, два, три...* палец неумолимо надвигался, сердце колотилось... *семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...* мимо Густава ...*двадцать* – и палец ткнул во Фрица.

Его схватили и вытолкали вперед, к другим жертвам¹¹⁷.

На плацу уже стоял деревянный стол со свисающими ремнями. Каждый заключенный, проведенный в лагере больше недели, сразу узнал *бок* – пыточную скамью. Ее придумал использовать заместитель коменданта Хюттиг – для наказания арестантов и развлечения конвоиров¹¹⁸. Все заключенные видели, для чего нужна скамья, и приходили в ужас при одном упоминании о ней. Сержанты Бланк и Хинкельман обожали ее использовать.

Фрица подхватили под руки и, до смерти перепуганного, потащили к скамье. С него сняли куртку и рубашку, а брюки спустили до колен. Охранники бросили его лицом вниз на наклонную поверхность, затолкали щиколотки в петли и затянули кожаный ремень на спине.

В безмолвном ужасе Густав смотрел, как Бланк и Хинкельман готовились к пытке; они наслаждались моментом, оглаживая рукояти своих хлыстов: кожаных, со стальным сердечником внутри. По правилам лагеря бить следовало не менее пяти и не более двадцати пяти раз. В тот день эсэсовцы готовились достичь максимума.

В первый раз хлыст словно бритва врезался в ягодицы Фрица.

– Считай! – заорали ему.

Раньше он уже присутствовал при таких наказаниях и знал, чего от него ждут.

– Один, – произнес он.

Хлыст снова впился в его плоть.

– Два, – выдавил он.

Эсэсовцы действовали методично; они рассчитывали взмахи хлыста так, чтобы продлить наказание и сделать еще острее боль и ужас от каждого удара. Фриц старался держаться, понимая, что, если сойдет со счета, порка начнется заново. Три... четыре... бесконечность, адава пропасть боли... десять... одиннадцать... надо собраться, продолжать считать, не потерять сознание.

Наконец он досчитал до двадцати пяти; ремни распустили и подняли его на ноги. На глазах у отца Фрица увели, всего в крови, истерзанного болью, ничего не соображающего, и на скамью лег следующий несчастный.

Жуткий церемониал длился много часов: десятки жертв, сотни размеренных ударов. Некоторые от боли теряли счет, и пытка начиналась сначала. Все жертвы уходили с плаца едва живыми.

* * *

Для евреев не предусматривалось ни медицинской помощи, ни передышки, ни освобождения от работ. Все, кто подвергся порке, в крови и с мучительной болью, должны были немедленно приступить к повседневным делам. Им приходилось держаться из последних сил, поскольку поддаться боли или отчаянию в лагере означало обречь себя на смерть. В Бухен-

¹¹⁷ Фриц Кляйнман, цитируется у Monika Horsky, *Man muss Darüber reden. Schuler fragen KZ-Häftlinge* (1988), с. 48–49, воспроизводится в Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 16n.

¹¹⁸ Stein, *Buchenwald*, с. 52, 108–109; Свидетельство В.192, АWK.

вальде действовало правило: как бы плохо ни обстояли дела, все могло стать еще хуже – и оно регулярно подтверждалось.

Через два дня на переключке Фрицу приходилось прикладывать усилия, чтобы устоять на ногах, но теперь, хотя следы от кнута еще не зажили, он больше беспокоился об отце: Густав был совсем плох. Их снова морили голодом; в лагере продолжалась эпидемия дизентерии и лихорадки, и Густав, похоже, подхватил заразу. Он стоял бледный, трясся, мучимый диареей. Фриц поглядывал на него уголком глаза; минуты тянулись мучительно медленно. Работать в таком состоянии отец точно не мог: он едва выдержал переключку.

Густав покачивался, ежась, и старался не лишиться чувств. Но звуки внезапно стали далекими и глухими, зрение заволоч черным туман, конечности стремительно онемели, и он ощутил, как проваливается, проваливается в черный колодез. Густав потерял сознание еще до того, как упал.

Очнувшись, он понял, что лежит на спине. Где-то в помещении. Не в палатке. Над ним парило лицо Фрица. И чье-то еще. Он что, в медпункте? Нет, невозможно – евреев туда не допускали. В огне лихорадки Густав все-таки осознал, что находится, судя по всему, в бараке для смертельно больных. В Блоке Смерти.

Туда его привели сын с еще каким-то человеком – Фриц поддерживал отца, несмотря на свои раны. Воздух показался ему тяжелым, удушливым, отовсюду доносились стоны, и царила атмосфера безнадежности, беспомощности и смерти.

Докторов в бараке было двое. Один, германский доктор Хаас, особенно бесчувственный, отбирал у больных паек, оставляя их голодать. Другой сам был арестантом – доктор Пауль Хеллер, молодой еврейский врач из Праги. Хеллер делал для пациентов все, что мог, с учетом скудных ресурсов, предоставляемых руководством лагеря¹¹⁹. Несколько дней Густав провалялся в бараке с температурой 38,8, иногда в сознании, но чаще в бреду.

Фриц тем временем все больше возмущался условиями в малом лагере. Их снова истязали голодом. «В качестве дисциплинарной меры в лагере объявляется отмена выдачи питания» – это объявление как мантра раз за разом доносилось из громкоговорителя. За последний месяц они не получали питания одиннадцать дней. Несколько молодых заключенных предложили обратиться к охранникам за едой. Фриц, едва начавший оправляться после порки, тоже был в их числе. Старшие, более опытные заключенные, в том числе ветераны Первой мировой войны, предупреждали, что до добра это не доведет. Любые самовольные действия означали привлечение к себе внимания, а оно вело или к наказанию, или к смерти.

Фриц переговорил с приятелем из Вены, Якобом Иром по кличке «Ицкерль», с которым познакомился на Пратере.

– Мне все равно, если придется умереть, – сказал Ицкерль.

– Когда доктор Блис придет, я с ним поговорю.

Лагерный врач Людвиг Блис не отличался особой сочувственностью, но он действовал более гуманно – или хотя бы менее безжалостно, – чем другие эсэсовские доктора. Время от времени он вмешивался в наиболее изощренные наказания и прекращал их¹²⁰. Среднего возраста, обезоруживающе комичный с виду, он выглядел не таким неприступным, как остальные¹²¹.

– Ладно, – сказал Фриц. – Но я пойду с тобой. И говорить буду тоже я – ты просто подтверди мои слова.

---

¹¹⁹ Хеллер позднее служил доктором в Освенциме. Он пережил холокост и эмигрировал в США. «Он был очень достойным человеком. Если он мог кому-то помочь, то помогал», – вспоминал один из его товарищей-заключенных (некролог, *Chicago Tribune*, 29 сентября 2001).

¹²⁰ Hackett, *Buchenwald Report*, сс. 60–64.

¹²¹ Заключенный Вальтер Поллер, цитируется в Marco Pukrop, “Die SS-Karrieren von Dr. Wilhelm Berndt und Dr. Walter Dohrn. Ein Beitrag zu den unbekanntem KZ-Arztzen der Vorkriegszeit”, *Werkstatt Geschichte* 62 (2012), с. 79.

Во время следующего обхода доктором палаток Фриц и Ицкерль нерешительно подошли к нему. Фриц, стараясь не выглядеть так, будто чего-то требует, произнес полным отчаяния, дрожащим голосом:

– У нас нет сил работать! Пожалуйста, дайте что-нибудь поесть!¹²²

Он специально продумал свои слова; вместо того чтобы молить о милосердии, он обращался к практической стороне дела, ведь для СС заключенные были рабочей силой. Тем не менее заявлять о неспособности к работе значило идти на огромный риск – бесполезность влекла за собой смерть.

Блис посмотрел на него удивленно. Для своего возраста Фриц не был рослым и казался практически ребенком. После порки и голода он вообще являл собой печальное зрелище. Блис колебался: похоже, человечность боролась в нем с нацистскими принципами. Потом он отрывисто бросил:

– Идите за мной.

Фриц и Ицкерль последовали за доктором через плац к лагерной кухне. Приказав им ждать, Блис прошел в продуктовую лавку и вышел оттуда через пару минут с большой буханкой лагерного ржаного хлеба и двухлитровым котелком супа.

– А теперь, – отрезал он, передав им этот неслыханный куш, – обратно к себе в лагерь. Живо!

Еду – эквивалент суточного рациона на полдюжины человек – они разделили с ближайшими соседями по койке. На следующий день всех арестантов вернули на полный паек, очевидно, по распоряжению Блиса. О мальчиках заговорил весь лагерь, и с этого дня Ицкерль стал для Фрица одним из лучших друзей.

Фриц навещал отца в Блоке Смерти при каждой возможности. Дизентерии не удалось его убить, и худшее осталось позади, однако Густав уже понимал, что никогда не поправится в этой антисанитарной отравленной обстановке. Через две недели он начал просить, чтобы его выписали, но доктор Хеллер не соглашался. Густав был слишком слаб, чтобы выжить.

Тем не менее, несмотря на приказ доктора, однажды он попросил сына помочь ему подняться. Ковыляя, они вдвоем вышли из Блока Смерти. Вдохнув свежий воздух, Густав сразу ощутил, что ему полегчало; опираясь рукой на плечи сына, он добрался до малого лагеря. Фриц осторожно вел отца, все еще с трудом державшегося на ногах.

Даже в грязной, набитой людьми палатке воздух был свежей, чем в изоляторе, и Густав начал набираться сил. На следующий день его определили на легкую работу – чистить уборные и топить печи¹²³; он хорошо поел и почувствовал себя лучше.

Фриц тоже оправлялся от побоев. Однако для здоровья в Бухенвальде имелся предел. Оба они были истощены; Густав, и раньше худой, после болезни весил всего сорок пять килограммов. Проявив сообразительность, Фриц прославился не только среди обычных заключенных, но и среди лагерных старшин – высшей касты узников. Но это мало что решало: послабления были минимальными и разве что спасали от голодной смерти. «Я работаю, чтобы забыть, где нахожусь», – писал Густав.

Когда наступила их первая лагерная зима, Фриц с отцом получили из дома посылку с новым бельем. Посылки в лагерь доходили, но писать обратно заключенные не могли. К посылке прилагалась записка. Тини пыталась устроить так, чтобы дети – включая Фрица –

¹²² В своих воспоминаниях об этом эпизоде (Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 48) Фриц упоминает о том, что действие тогда оказал его «плачущий и отчаявшийся» («*weindener und verzweifelter*») голос.

¹²³ Здесь дневник Густава трудно поддается толкованию: «(Am) nächsten Tag kriege (ich) einen Posten als Reiniger im Klosett, habe 4 Ofen zu heizen...» Klosett – так могла называться уборная в малом лагере или в бараках главного лагеря, которая до этого не функционировала из-за отсутствия водоснабжения (Stein, *Buchenwald*, с. 86). Что такое *Ofen* (духовка или печь), сказать трудно; вероятней всего, они относились к кухням или к душевому блоку. На тот момент печей для кремации в Бухенвальде не было; они появились там только летом 1942 (там же, с. 141).

выехали в Америку, однако борьба с бюрократией давалась ей нелегко. От Эдит не было никаких новостей. Где она, чем занимается – мать ничего не знала.

Дробилка

Ночное небо над Северной Англией глубокого черного цвета с точками звезд пересекала туманная полоска Млечного Пути, и месяц сиял на нем ярким серпом. Страна вела войну и скрывалась под затемнением, так что небесный свет сильнее бросался в глаза.

Эдит Кляйнман смотрела на те же звезды, что висели в небе над Веной, где, она надеялась, продолжала жить ее семья. Новостей у нее не было – одни страхи. Она отчаянно желала знать, как там мама и отец, сестра и братья, друзья и родные. Ей не терпелось кое-чем с ними поделиться. Она встретила мужчину. Не просто мужчину – *того самого*. Его звали Рихард Палтенхоффер, и он был таким же беженцем, как она.

В первые ее месяцы в Англии ничего особенного не происходило. Место она нашла с помощью Комитета еврейских беженцев и стала прислугой с проживанием у миссис Ребекки Бростофф, еврейской дамы в возрасте за шестьдесят с бородавкой на носу и с домом в уютном пригороде. Ее муж, Моррис, торговал шерстью, и жили они вполне обеспеченно. Оба родились в России и сами в молодости стали эмигрантами¹²⁴.

Лидс ничем не походил на Вену: это оказался беспорядочно разросшийся промышленный город с закопченными викторианскими постройками из красного кирпича; на длинных улицах теснились крошечные типовые жилища рабочих, а величественные общественные здания поднимались в серое дымное небо. Но там не было нацистов, и, хотя антисемитизм и существовал, евреев не преследовали, не заставляли мыть щеткой мостовые и не отправляли в Дахау или Бухенвальд.

Многие британцы охотно соглашались на то, чтобы страна принимала германских евреев, но были и те, кто этого не одобрял, и правительство разрывалось между противоборствующими сторонами. Пресса высказывалась то за, то против евреев – подчеркивая вклад, который они делают в экономику, и тяжелое положение, с которым они столкнулись в родной стране, – но все же британские рабочие опасались за свои места, и правые газеты играли на этих страхах. Они намекали на преступные наклонности и еврейское упрямство и открыто говорили об угрозе британскому образу жизни. И все равно – там не было нацизма, не было штурмовиков и СС. С началом войны правительство начало высылать враждебных иностранцев, но Эдит, бежавшей от нацизма, высылка, естественно, не угрожала¹²⁵. Казалось бы, чего еще можно желать?

Миссис Бростофф обращалась с Эдит – отнюдь не лучшей в мире прислугой – по-доброму, да и зарплата, три фунта в неделю, была вполне достойной.

Вступление Британии в «Сидячую войну» (или «Странную войну», как ее еще называли) и первая зима Эдит в эмиграции запомнились ей не военными тяготами, а романом. Рихарда Палтенхоффера она немного знала еще в Вене; они были примерно одних лет и вращались в общих кругах. В Англии они снова встретились и полюбили друг друга.

С их последней встречи Рихард прошел через настоящий ад. В июне 1938 года в Вене его арестовали эсэсовцы – по программе принудительной работы на Рейх, когда всех «асоциальных» элементов германского общества было решено согнать в лагеря – все «лишние рты», безработных, нищих, пьяниц, наркоманов, гомосексуалистов и мелких жуликов. Так в лагеря попало около десяти тысяч человек: многие из них, как Рихард Палтенхоффер – евреи, ока-

---

¹²⁴ Записка о трудоустройстве, без даты, LJL; реестр Англии и Уэльса, 1911; описание и подробности из списка пассажиров, SS *Carinthia*, 2 октября 1936, PNY; Офис главного регистратора, Книга записей 1939 года, Национальный архив; Кев. Моррис и Ребекка Бростофф родились в Бялыстоке (ныне в Польше) около 1878 года и эмигрировали в Британию до 1911. В 1939 году они жили по адресу: 373, Стрит-Лейн.

¹²⁵ Учетная карточка 46/01063–4, НОI. Учетной карточки Рихарда Палтенхоффера этого периода обнаружить не удалось, но он, предположительно, также относился к категории С.

завшиися не в то время не в том месте¹²⁶. Рихарда отправили в Дахау, затем перевели в Бухенвальд¹²⁷, где тогда было еще страшней, чем через год, когда там оказались Фриц и Густав Кляйнманы, и где гораздо большее число людей жило в самых примитивных условиях¹²⁸. На одном из регулярных показательных наказаний, обычно следовавших за вечерней поверкой, мужчину, стоявшего перед Рихардом, караульный эсэсовец проткнул штыком. Лезвие прошло насквозь, мужчина упал на Рихарда, и штык повредил тому ногу. Рана болела несколько месяцев, но, к счастью, до заражения не дошло. Спасся он по чистой случайности. В апреле 1939 года, в честь пятидесятилетия Гитлера Гиммлер дал согласие на массовую амнистию почти девяти тысяч узников концлагерей¹²⁹. Среди них был и Рихард Палтенхоффер.

Вместо того чтобы вернуться в Вену, он пересек швейцарскую границу. Организация австрийских бойскаутов помогла ему получить необходимые документы, чтобы въехать в Британию. К концу мая он находился на пути в Лидс, где ему подыскивали работу – на кошерной кондитерской фабрике¹³⁰.

Эдит и Рихарда тепло приняли в большом, процветающем еврейском сообществе города, где действовала ячейка Комитета еврейских беженцев. При крошечном бюджете в 250 фунтов в год местные волонтеры умудрялись помогать сотням эмигрантов находить в Лидсе жилье и работу¹³¹.

Встретились они в клубе молодых евреев. Для Эдит Рихард стал напоминанием о доме, о жизни, которой она лишилась, – в приятном обществе и с мечтами стать модисткой, а не выколачивать ковры. Рихард был обаятельным, славным парнем с широкой улыбкой и звонким смехом, он отлично одевался – в ладно скроенные костюмы в тонкую белую полоску и шляпы, обязательно с платочком в нагрудном кармане. На фоне йоркширских работяг в саржевых куртках, шерстяных шарфах и кепках Рихард выделялся как экзотический цветок на картофельном поле.

Война – пусть даже сидячая – стала для молодежи поводом не терять времени даром, и двое молодых людей, оторванных от дома, конечно, не захотели медлить. Едва миновало Рождество и начался январь, как Эдит обнаружила, что беременна. Они начали подготовку к свадьбе.

Как беженцы они были обязаны официально регистрировать любые изменения гражданского состояния. Ровно в половине десятого, в понедельник, в феврале, они явились в кабинет равви Артура Супера в Новой Синагоге Лидса, а оттуда все вместе отправились в полицейский участок, чтобы заполнить необходимые бланки. Таким образом, с помощью Объединенной Еврейской конгрегации, Контрольного комитета Совета по делам еврейских беженцев и равви Фишера, из венской Штадттемпель, будущий брак был согласован¹³².

Выполнив бюрократические формальности, в воскресенье 17 марта 1940 года Эдит Кляйнман и Рихард Палтенхоффер поженились в Новой Синагоге на Чэйпелтон-Роуд, примет-

¹²⁶ Wachsmann, *KL*, сс. 147–151; Cesarani, *Final Solution*, сс. 164–165; Wunschmann, *Before Auschwitz*, с. 186.

¹²⁷ По прибытии в Дахау 24 июня 1938 года Рихард Палтенхоффер получил номер 16865 (журнал учета заключенных, PGD). В Бухенвальд был переведен 23 сентября 1938 года, получил номер 9520 и был помещен сначала в блок 16, а затем в блок 14 (журнал учета заключенных, PGB).

¹²⁸ Wachsmann, *KL*, pp. 181–184.

¹²⁹ Wachsmann, *KL*, p. с. 186.

¹³⁰ А. Р. Самуэль, письмо к Дэвиду Маковски, 25 мая 1939, LJW; свидетельство о браке, GRO; Монтегю Бертон, письмо к Дэвиду Маковски, 26 февраля 1949, LJJ; Nicholas Mark Burkitt, *British Society and the Jews* (2011), с. 198. Компания Rakusen Ltd., существует до сих пор. Первое жилье Рихарда находилось по адресу: 9, Брунсвик-Террас.

¹³¹ Биографическая история, LJW; Anthony Grenville, “Anglo-Jewry and the Jewish Refugees from Nazism”, *Association of Jewish Refugees Journal* (декабрь 2012). Журнал учета в Лидсе вел Дэвид Маковский, также занимавшийся в городе портновским ремеслом. Он славился вспыльчивым нравом и убежденностью в том, что каждый должен знать в обществе свое место и держаться его.

¹³² Б. Ньювирт, письмо к Рихарду Палтенхофферу, 16 февраля 1940; Контрольный комитет, письмо к регистратору браков, 20 февраля 1940 года, LJJ.

ном современном здании с куполами из зеленой меди и кирпичными арками, в сердце лидского аналога Леопольдштадта.

Два месяца спустя Адольф Гитлер вторгся в Бельгию, Нидерланды и Францию. Через месяц остатки британского экспедиционного корпуса пришлось эвакуировать с побережья в Дюнкерке. Сидячей войне пришел конец. Немцы наступали, и их приход стал неотвратимым.

* * *

– *Левой*—два – три! *Левой*—два – три!

Надзиратели выкрикивали команды, и арестанты толкали вагонетку вверх по рельсам.

– *Левой*—два – три! *Левой*—два – три!

Ботинки Фрица скользили по льду и просыпаным камням, изнуренные мышцы терзала боль, руки и плечи ныли от натяжения веревки. Вместе с ним, хрипя, еще несколько мужчин тянули вагонетку. Ниже другие – и в их числе отец – толкали ее, упираясь заледенелыми ладонями в голый металл.

Зима не щадила Эттерсберг, но и она не могла сравниться в жестокости с надзирателями.

– Тащите, собаки! *Левой*—два – три! Вверх, свиньи! Ну что, весело?

Любого, кто отпускал руки, бросали на землю и избивали. Колеса скрипели и скрежетали, ноги арестантов оскальзывались на заиндевевшей земле, их горячее дыхание облачками вырывалось в ледяной воздух.

– Вдвое быстрее! Поторопитесь, а то окажетесь в дерьме!¹³³

Каждый день вверх по горе, к строительным площадкам надо было поднять дюжину груженых вагонеток; на одну уходило около часа.

– Вперед, свиньи! *Левой*—два – три!

«Людей запрягают, словно животных, – писал Густав, преобразая их ежедневный ад в яркие поэтические образы. – Задыхающихся, стонущих, истекающих потом... Рабы, обреченные гнуть спины, как во времена фараонов».

В новом году у них выдалась короткая передышка; в середине января доктор Блис, озабоченный небывало высокой смертностью от болезней в малом лагере¹³⁴, при поддержке эсэсовцев, опасавшихся, что инфекция распространится и на них, распорядился перевести выживших в более гигиеничные условия в основном лагере. После душа и дезинфекции их поместили на карантин в бараке возле плаца. Новое жилье было практически роскошным по сравнению с палатками: с навощенными деревянными полами, прочными стенами, обеденными столами, туалетами и помывочной с холодным водопроводом. Бараки содержались в безупречной чистоте; заключенным даже полагалось снимать ботинки в прихожей, прежде чем входить внутрь. За любую грязь и беспорядок полагались суровые наказания. Во время той первой благословенной недели карантина они получали полный рацион и не ходили на работу. Густав обрел прежние силы.

Конечно, долго так продолжаться не могло. 24 января 1940 года карантин закончился. Впервые Густава с Фрицем разделили: Фрица с другими подростками, которых было около сорока, поместили в блок 3 (известный как «Блок для молодежи», хотя в основном там находились взрослые мужчины)¹³⁵.

---

¹³³ Густав выразил это в своей поэме «Калейдоскоп в карьере» (см. далее в той же главе).

¹³⁴ Всего в 1939 году в Бухенвальде умерло 1235 заключенных, большинство в последней четверти года (Hackett, *Buchenwald Report*, с.114).

¹³⁵ Последовательность событий в этот период (включая точное распределение по баракам) местами отличается от записей Густава и воспоминаний Фрица. В книге эти противоречия сглажены.

Они лучше познакомились с основным лагерем, его устройством и достопримечательностями – главной из них считался Дуб Гете. Это почтенное дерево раскинулось между кухнями и душевым блоком; под ним якобы Гете любил отдыхать во время своих прогулок из Веймара вверх на Эттерсберг. Культурные ассоциации были столь сильны, что эсэсовцы не решились посягнуть на дуб и построили лагерь вокруг него, а ствол приспособили для пыток¹³⁶. Метод, который для этого использовался, был следующим: человек обхватывал руками ствол, и его подвешивали за запястья на ветке или на сучке. Пытки на Дубе Гете превратились в страшный и впечатляющий ритуал. Повешенных оставляли на долгие часы – после чего они не могли разогнуться еще несколько дней, если не недель, – а зачастую еще и били. Двое из соседей Густава уже побывали на Дубе Гете в качестве наказания за то, что якобы отлынивали от работы.

Выйдя из карантинного барака, Фриц с отцом с удивлением обнаружили, что евреи составляли меньше одной пятой от общего числа узников Бухенвальда¹³⁷. Там держали преступников, румын, поляков, католических и лютеранских священников и гомосексуалистов, но в первую очередь политических заключенных – преимущественно коммунистов и социалистов. Многие находились в лагере уже много лет, в некоторых случаях с самого прихода нацистов к власти в 1933 году. Однако евреев и румын эсэсовцы отправляли на самые тяжелые работы и обращались с ними хуже всего.

– *Левой*–два – три! *Левой*–два – три!

Двенадцать вагонеток в день, вверх по склону, двенадцать опасных скоростных спусков назад в карьер. Пальцы горят от холодного металла, веревки тянут вниз, в голове пустота, ноги скользят по льду, надзиратель грозит и выкрикивает приказы.

Так оно и шло, день за днем, пока зима не уступила место весне. Густава с Фрицем отстранили от работы на вагонетках и отправили в карьер, таскать камни. Сложно поверить, но в карьере оказалось еще страшнее.

Им приходилось поднимать каменные глыбы и валуны там, где их скалывали с поверхности, и тащить – как можно быстрее – голыми руками к ожидающим вагонеткам. Ладони и пальцы тут же покрывались мозолями и начинали кровоточить. Смена длилась десять часов, с коротким перерывом в полдень. Кроме того, в карьере над заключенными издевались сильнее всего, даже по сравнению с тем, как обращались с ними на железнодорожной колее.

«Каждый день новые трупы, – писал Густав. – Трудно поверить, что способен вынести человек». Он не мог подобрать слов, чтобы описать тот ад на земле, который открылся ему в карьере. На последних страницах блокнота он начал сочинять поэму под названием «Калейдоскоп в карьере», преображая кошмарную действительность в четкие, размеренные, упорядоченные строки.

Тук-тук, молот стучит,
Тук-тук, горе не спит.
Люди-рабы, руки в крови,
Парами камень колют они¹³⁸.

В стихах ему удалось разграничить собственные впечатления и то, каким карьер видели надзиратели и СС.

¹³⁶ Дуб Гете пострадал при союзнической бомбардировке в 1944 году и засох. Однако пень от него поныне на месте.

¹³⁷ Фриц Кляйнман, интервью 1997 года. Еврейство само по себе на тот момент не являлось причиной для отправки в лагерь; тогда нацистский режим скорее пытался заставить евреев эмигрировать, включая и тех, кто сидел в лагерях – их освобождали, если они получали необходимые для эмиграции документы.

¹³⁸ Из «Калейдоскопа в карьере» Густава Кляйнмана. Автор постарался выполнить перевод как можно точнее. Klick-klack Hammerschlag, Klick-klack Jammertag, Sklavensleien, Elendsknochen, Dalli und den Stein gebrochen.

Тук-тук, молот стучит.
Тук-тук, горе не спит.
Люди-рабы, стоны слышны,
Камни, стена, колют они¹³⁹.

Рабское состояние, бесконечность каждого дня, убийственные издевательства он превращал в поэтические образы.

– Лопату полней! Думал, будешь тут отдыхать? Думал, ты ВИП-персона?

Руки скользят, ноги спотыкаются о бульжники, кровь оставляет ржавые пятна на белом известняке; скорей, со своей ношей, к вагонетке.

– Эй вы, бездельники, ко второй! Если не наполните быстро, до смерти забью!

Камень грохочет и перекатывается в пустом железном брuxe.

– Полная? И что, думаете, вы свободны? Теперь в третью, по двое! И быстрее, иначе вы в дерьме. Давайте, свиньи!

Подгоняемые пинками и проклятиями, они наполняют вагонетки, и те медленно карабкаются в гору:

– *Левой*–два – три! *Левой*–два – три!

Надзиратели и конвойные развлекались, мучая заключенных. Одному из носильщиков, таких же как Густав, приказали взять тяжелый камень и бегать с ним по склону, вверх и вниз.

– И чтобы смешно было, понял? – приказал надзиратель. – Или не поздоровится.

Жертва пыталась бежать как можно смешней, так что надзиратели хохотали и аплодировали. Снова и снова по кругу, тяжело дыша, едва удерживаясь на ногах, носильщик, весь в синяках и крови, бегал до тех пор, пока не лишился последних сил. Уже не стараясь выглядеть забавно, он все равно бежал и смог преодолеть еще два круга. Но надзиратель заскучал; он толкнул жертву на землю и прикончил безжалостным, смертельным ударом по голове.

Любимой шуткой было сорвать с проходящего арестанта шапку и забросить ее на дерево или в лужу – всегда за сторожевой линией.

– Эй, твоя шапка! Пойди забери, вон там, у охранника. Давай, парень, вперед!

Обычно так поступали с новичками, еще не знающими правил.

«И вот дурачок бежит», – писал Густав. Он минует кордон и – *бах!* – в следующую минуту арестант уже мертв. Еще одна запись в журнале побегов, еще один бонус к отпуску кому-то из эсэсовцев: три дня за каждого застреленного беглеца. Караульный по имени Цепп был в сговоре с несколькими надзирателями, включая Йохана Херцога, заключенного с зеленым треугольником на куртке и бывшего солдата Иностранного легиона, которого Густав описывал как «убийцу худшего пошиба»¹⁴⁰. Цепп награждал Херцога и его банду табаком каждый раз, когда те толкали человека под выстрел его винтовки.

Хотя самоубийства случались в лагере регулярно, большинство заключенных не сдавались и не давали себя провести. Некоторых особо стойких не могли сломить никакие издевательства и пытки. Удар прикладом, и:

Хруст, и вот на земле он лежит,

---

¹³⁹ Оригинал Густава: Klick-klack Hammerschlag, Klick-klack Jammertag. Sien nur diesen Jammerlappen Winselnd um die Steine tarren.

¹⁴⁰ Густав и Фриц оба помнили, что Херцога звали Гансом, но, по утверждению Штейна (Stein, *Buchenwald*, с. 299), его имя было Иоганн. Другие свидетельства очевидцев о характере Херцога и его поведении см. в Hackett, *Buchenwald Report*, сс. 159, 174–175, 234. Хотя ходили слухи, что позже его убил другой заключенный, Херцог выжил и продолжил свою преступную карьеру.

Но все ж, как собака, по-прежнему жив!¹⁴¹

Однажды Густав наблюдал картину, которая навсегда запомнилась ему как свидетельство мощи человеческой воли. В центре карьера, возвышаясь над всем остальным, стояла камнедробилка. Рычащий мотор приводил в действие цепь шестеренок и ремней, идущих к гигантской воронке, куда лопатами забрасывали камень. Внутри его мололи стальные пластины, двигавшиеся вверх-вниз и из стороны в сторону – чудовищные челюсти превращали камни в гравий. Надзиратель управлял дросселем и переключателем скоростей. Если рабочие не наполняли вагонетки, то кормили этого монстра. Для Густава камнедробилка стала символом не только карьера, но и всего лагеря, всей системы, частью которой являлся Бухенвальд, гигантского механизма, в котором они с Фрицем и остальные заключенные были одновременно и топливом, и сырьем, отправлявшимся в топку.

Грохочет дробилка, и так каждый день.
Грохочет дробилка, и камни летят.
И сыплется гравий, и так каждый час.
Разверста ее ненасытная пасть.
И те, кто лопатами кормит ее,
Все знают, что век не насытятся ей.
Съест камни она, а потом их самих¹⁴².

Один арестант из тех, что лопатами забрасывали камни в воронку, приятель мужчины, которого раньше заставили бегать по кругу, низко опустил голову и махал лопатой, стараясь не привлекать внимания надзирателей. Он был высокий, крепкого сложения, и работал хорошо. Но тут надзирателю у рычагов пришла в голову идея: он до конца вытянул дроссель, так что машина заработала на удвоенной скорости, гремя и сотрясаясь с дьявольским шумом. Заключенный стал забрасывать камни быстрее. И человек, и механизм трудились на пределе сил: мужчина тяжело дышал, все мышцы у него напряглись, а дробилка тряслась и громыкала, как будто вот-вот взорвется. Густав, работавший неподалеку, оторвался от задания, чтобы посмотреть; то же самое сделали и остальные, но надзиратели, заинтригованные, не стали их одергивать.

Соревнование продолжалось: камни летели в воронку, лопасти жевали, мотор ревел, воронка изрыгала измельченный гравий. Казалось, мужчина обладал какой-то нечеловеческой мощью и силой воли. Однако мощь камнедробилки была безгранична, и постепенно человек начал сдавать и замедляться. Собрав остатки воли в кулак, он сделал последнее титаническое усилие, сжав в руках лопату так, будто от этого зависела его жизнь. Машина должна была победить, она всегда побеждала, но он все равно не сдавался.

И тут из глубин дробилки раздался треск и долгий скрежещущий стон. Она содрогнулась, закашлялась и замерла. Надзиратель у рычагов, удивленный, заглянул внутрь и обнаружил, что камень застрял в шестеренке.

В карьере воцарилась мертвая тишина. Заключенный оперся о лопату, пытаясь отдышаться. Он победил камнедробилку, но он же был виновен в том, что она сломалась. Старший надзиратель, мгновение помолчав, разразился хохотом.

– Ну ты, длинный, иди сюда! – крикнул он. – Ты что, с фермы? Или, может, шахтер?
– Нет, – ответил заключенный. – Я журналист.

---

¹⁴¹ Оригинал Густава: Klatsch – er liegt auf allen Vieren, doch der Hund will nicht krepieren!

¹⁴² Оригинал Густава структурирован лучше, чем перевод: Es ratter der Brecher tagaus und tagein, Er ratter und ratter und bricht das Gestein, Zermalt es zu Schotter und Stunde auf Stund'Frist Schaufel um Schaufel sein gieriger Mund. Und die, die ihn futtern mit Muh und mit Fleisch, Sie wissen er frist nur – doch satt wird er nie. Erst frist er die Steine und dann frist er sie.

Надзиратель продолжал смеяться.

– Из газеты? Это жалко. Тут у нас для таких работы нет.

Он пошел было прочь, но потом остановился.

– Хотя нет, мне нужен кто-то, кто умеет писать. Иди-ка, подожди вон там, в доме. У меня есть для тебя одно дельце.

Глядя, как герой откладывает лопату, Густав внезапно ощутил вес каменной глыбы в своих руках и взгляд надзирателя, направленный на него. Он торопливо потащил камень дальше, размышляя о том, что сейчас увидел. Человек против машины – и человек здесь одержал верх. Получалось, что машину можно победить, если собрать всю свою силу и всю волю. Но вот получится ли такое с другой, большей машиной, было неизвестно.

Механик вытащил камень из шестеренки и заново запустил мотор. Сотрясаясь и скрежеща, дробилка заработала опять, она заглатывала каменные глыбы, которые бросали в ее ненасытную глотку арестанты, поглощала их силы, их пот и кровь, прожевывая их точно так же, как камень.

Возвращение к жизни

Не зная, что и думать, Тини держала в руках два конверта. Они были одинаковые, из Бухенвальда. У многих ее знакомых матерей и жен мужчин забрали в лагеря, но они либо освобождались, получив разрешение на эмиграцию, либо возвращались в Вену в виде урны с прахом. Писем же оттуда никто не получал.

Она вскрыла первый конверт. Внутри лежало нечто, больше похожее на официальное уведомление, чем на письмо. Просмотрев его, она с облегчением поняла, что это от Густава. Тини узнала его острый почерк там, где были вписаны имя и номер заключенного. Большую часть листка занимал отпечатанный список правил (могут ли заключенные получать деньги и посылки, можно ли им писать и получать письма, предупреждение о том, что никакие обращения к командованию лагеря с просьбами за заключенных рассматриваться не будут, и тому подобное). На оставшемся крошечном пространстве Густав набросал короткую записку, которая затем подверглась цензуре СС. Тини поняла только, что он жив, здоров и работает в лагере. Разорвав второй конверт, она нашла точно такое же послание от Фрица. Сравнив их между собой, она обратила внимание, что номера блоков разные. Значит, их разделили. Это ее встревожило. Как там справляется ее мальчик один?

Собственно, тревожилась она постоянно. После майского вторжения во Францию для евреев в Вене был установлен комендантский час¹⁴³. Но тот, кто решил бы, что нацисты уже исчерпали арсенал мер, способных сделать жизнь евреев невыносимой, сильно бы ошибся. Всегда находился еще один кнут, чтобы их отстегать.

В октябре предыдущего года, незадолго до того как схватили Густава и Фрица, два железнодорожных состава отправились из Вены в Ниско, на оккупированной территории Польши; евреев, которые там ехали, собирались переселить в подобие сельскохозяйственной коммуны¹⁴⁴. Проект хоть и провалился, но оставшихся венских евреев окончательно лишил ощущения безопасности. В апреле выжившие вернулись и рассказывали страшные истории о пытках и убийствах¹⁴⁵.

Для Тини стремление спасти детей, отправив их в надежное место, стало главным в жизни. В Британию дорога теперь была закрыта, и Америка оставалась для них последней надеждой. Больше всего Тини беспокоилась о том, чтобы добиться отъезда Фрица, пока он еще несовершеннолетний и на него распространяются правила о первоочередной эмиграции. Она подала заявления на него, Герту и Курта. Для каждого требовалось по два письма от друзей и родственников, живущих в Америке, с подтверждением, что они обеспечат детям финансовую поддержку и крышу над головой. Получить их не представляло проблемы, поскольку у Тини были двоюродные братья и сестры в Нью-Йорке и Нью-Джерси¹⁴⁶, а также старая подруга Альма Маурер, эмигрировавшая много лет назад, которая жила в Массачусетсе¹⁴⁷. Поддержку они гарантировали, но проблемой оставались бюрократические препоны нацистского режима и правительства США.

Президент Рузвельт – готовый принимать гораздо больше беженцев – ничего не мог поделать с Конгрессом и прессой. В Соединенных Штатах теоретически существовала квота,

---

¹⁴³ Edith Kurzweil, *Nazi Laws and Jewish Lives* (2004), с. 153.

¹⁴⁴ Сообщение в Agad et al., *Documents*, сс. 143–144.

¹⁴⁵ Rabinovici, *Eichmann's Jews*, сс.87ff.

¹⁴⁶ Список пассажиров, *SS Veendam*, 24 января 1940, PNY; Перепись населения США, 1940, NARA; Альфред Биеневальд, заявление на получение паспорта США, 1919, NARA. Кузенами Тини были Беттина Прайфер и ее брат Альфред Биеневальд. Их мать, Нетти, родившаяся в Венгрии, была, судя по всему, сестрой матери Тини, Евы, урожденной Шварц (Беттина Биеневальд, запись о рождении, 20 октября 1899 года, Книга записи актов гражданского состояния, ИКА).

¹⁴⁷ Перепись населения США, 1949, NARA.

шестьдесят тысяч беженцев в год, но на самом деле она не соблюдалась. Вашингтон использовал все бюрократические манипуляции, какие только мог придумать, лишь бы тянуть с документами и отказывать в выдаче виз. В июне 1940 года американские консулы в странах Европы получили следующую внутреннюю инструкцию от Госдепартамента: «Мы можем оттянуть и, по сути, прекратить... переезд эмигрантов в Соединенные Штаты... рекомендуя нашим консулам ставить на их пути все возможные преграды... с целью максимально задержать выдачу виз»¹⁴⁸.

Тини Кляйнман ходила из кабинета в кабинет, стояла в очередях, писала письмо за письмом, заполняла бланки, сносила издевательства служащих гестапо, рассылала запросы, ждала, ждала и ждала, и боялась каждого нового извещения, которое грозило им депортацией. На каждом шагу ее поджидали препятствия, воздвигнутые намеренно, в угоду конгрессменам и издателям газет, бизнесменам, рабочим, матерям семейств и владельцам лавочек из Висконсина и Пенсильвании, Чикаго и Нью-Йорка, которые яростно сопротивлялись новой волне эмиграции.

Фриц должен был вот-вот достичь совершеннолетия. Герте исполнилось восемнадцать, и она цеплялась за любую подработку. За десятилетнего Курта Тини тоже волновалась: он был хороший мальчик, но с избытком нерастраченной энергии. Она представляла, как он что-нибудь вытворит – какую-нибудь обычную мальчишескую шалость – и тем самым поставит под угрозу всю семью.

Однако, держа свои страхи при себе, она написала Фрицу и Густаву по коротенькому письму с домашними новостями. Наскребла для них немного денег – частично полученных от благотворителей, частично заработанных ею нелегально, на случайных поручениях. Добавила, что очень по ним скучает, и – покривив душой, – что дома все хорошо¹⁴⁹.

* * *

Курт спустился по лестнице. Двери подъезда были распахнуты настежь, и он осторожно выглянул на улицу. На краю рынка играли мальчишки – когда-то, до прихода нацистов, все они считались друзьями. Он глядел на них с завистью, зная, что не может выйти и присоединиться к игре.

У них была отличная компания, у ребят с улиц, прилегавших к Кармелитермаркт. По субботам мама с утра делала бутерброды и клала ему в маленький рюкзак. Он уходил с приятелями на весь день: словно первопроходцы, они обследовали какой-нибудь дальний парк или отправлялись на Дунай купаться. Дети отлично ладили, и Курту никто ни разу не намекнул, что на нем лежит клеймо.

Осознание того, что одни люди отличаются от других, обрушилось на него с внезапной жестокостью. Как-то раз, в начале зимы, мальчишка из гитлерюгенда обозвал его жидом и, сильно толкнув, ткнул лицом в снег.

Когда же ненависть к нему проявил бывший друг, это поразило Курта в самое сердце. Они с небольшой группкой других ребят – тех же, за которыми он сейчас наблюдал, – играли, как обычно, на рынке. Один крепыш внезапно решил на ком-нибудь продемонстрировать свои силы, как это нередко бывает, и выбрал Курта, осыпав его антисемитскими ругательствами, подслушанными у взрослых. Потом начал отрывать у него с пальто пуговицы. Курт, всегда дававший отпор, оттолкнул обидчика. Пораженный, тот схватил за перекладину свой метал-

---

¹⁴⁸ Инструкция Государственного департамента Соединенных Штатов, 26 июня 1940, цитируется по David S. Wyman, *America and the Holocaust* (1990), том 4, с. 1; там же, p. v.

¹⁴⁹ Фриц и Густав никогда не понимали, откуда Тини брала деньги, потому что работать ей не разрешалось. Фактически она бралась за временную работу (письма к Курту Кляйнману, 1941, DKK), а в остальном зависела от более обеспеченных родственников.

личный самокат и набросился с ним на Курта, избив так, что Тини пришлось бежать с сыном в госпиталь. Он помнил, как она глядела на него сверху, пока ему обрабатывали ссадины и порезы. Она гадала, что с ними будет дальше. Родители мальчика заявили в полицию, что Курт, еврей, осмелился поднять руку на арийца. Это считалось нарушением закона. Однако из-за возраста Курта отпустили со строгим предупреждением. После того случая он осознал, насколько враждебен и несправедлив новый мир.

Мир этот был страшным, угрожающим и оставил по себе разрозненные и яркие воспоминания.

Мать выбивалась из сил, чтобы прокормить их и обогреть на те скудные средства, что ей удавалось заработать. В городе имелись благотворительные кухни, а летом они ездили на ферму, принадлежащую Еврейскому культурному центру, где собирали бобы. В Вене еще осталось несколько богатых еврейских семейств, сохранивших кое-какие деньги, которые поддерживали обездоленных соотечественников. Однажды Курта пригласили в такую семью на ужин. Мать строго наставляла его перед визитом: «Сиди ровно, веди себя хорошо и делай, что тебе скажут». Еда оказалась отличной – за исключением брюссельской капусты. Раньше Курт ее никогда не пробовал, и она ему страшно не понравилась, но от страха он все съел, после чего его немедленно стошнило.

Круг их общения сузился до тетюшек, дядюшек, двоюродных братьев и сестер. Его любимицей была Дженни, мамина старшая сестра¹⁵⁰. Дженни никогда не выходила замуж; она работала портнихой и жила одна со своим котом. Она рассказывала детям, что кот разговаривает с ней: Дженни задает ему вопрос, а он отвечает *ммм-дяяя*. Курт никогда не мог понять, говорит она серьезно или шутит: Дженни была как ребенок. Она обожала животных и давала ему деньги на пистоны для пугача, чтобы гонять голубей; когда городской птицелов подкрадывался к ним со своей сетью, Курт палил из пугача, голуби разлетались, и птицелов оставался ни с чем.

Некоторые родственники Курта женились и выходили замуж за неевреев и теперь жили в постоянном беспокойстве, ведь их дети считались *Mischlinge* – полукровками – по нацистским законам. Одного из таких двоюродных братьев, Рихарда Вилчека, заботливый отец из соображений безопасности отправил вместе с матерью в Нидерланды сразу после Аншлюса. Однако теперь нацисты добрались и туда, и Курт не знал, что случилось с его кузеном. Сейчас, выглядывая на улицу, он видел совсем другой мир.

– Вот ты где! – воскликнула мать, и Курт с виноватым видом повернулся к ней. – Сколько раз я тебе говорила никуда одному не выходить?

Лицо у Тини было худое, нервное, и Курт не стал ее поправлять, указывая на то, что стоял в подъезде.

– Нам пора. Беги наверх и надень пальто.

Из гестапо пришел очередной приказ евреям явиться для какой-то новой переписи или регистрации. Курт чувствовал, что мать и сестра боятся, и, будучи единственным мужчиной в доме, придумал план, как их защитить. У него был нож. Он стащил его у другого кузена-полукровки, Виктора Капелари, жившего в Дёблинге, пригороде Вены. Его мать приходилась Тини еще одной сестрой и приняла христианство, выйдя замуж. Виктор с матерью очень любили Курта и часто приглашали с собой на рыбалку. Однако, помимо приятных воспоминаний об их совместных выездах, в память Курта навсегда врезался образ отца Виктора, каким он видел его в последний раз, во внушающей ужас серой форме нацистского офицера. После одной такой рыбалки Курт вернулся домой с охотничьим ножом с костяной рукояткой, принадлежавшим Виктору, который потихоньку сунул себе в карман.

---

¹⁵⁰ Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 69; карточка учета заключенного Бухенвальда 1.1.5.3/6283376, ITS; запись о рождении Жанетт Ротенштайн, 13 июля 1890, Книга записи актов гражданского состояния, ИКА.

Одеваясь в прихожей, пока мать и Герта ждали его на лестнице, Курт ощупал нож в кармане пальто. Нацисты увели его отца и Фрица, мучили его сестер, его самого тыкали лицом в снег, били, да еще и говорили, что это *его* вина. И все это им позволялось. Он был полон решимости защитить свою мать и Герту от них.

Курт взял маму за руку, и они вместе зашагали к полицейскому участку. На ходу Курт продолжал ощупывать лезвие ножа. Ему передалась тревога матери, к тому же он отлично знал: когда евреям приказывают явиться, их вполне могут куда-нибудь сослать. Он гадал, этого ли мама так сильно боится, и ощущал, как ее волнение растет по мере приближения к участку. Чтобы ее успокоить, он показал матери нож.

– Смотри, мама! Я смогу вас защитить.

Тини пришла в ужас.

– Немедленно выброси! – прошипела она.

Пораженный и обиженный, Курт застыл на месте.

– Но...

– Курт, выброси сейчас же, пока кто-нибудь не увидел!

Переубеждать ее не имело смысла. Преодолев себя, он отбросил ножик в сторону. Они пошли дальше. Но сердце Курта было разбито.

В тот день гестапо не причинило им вреда. Но когда-нибудь точно причинит. Как же, скажите на милость, сможет он теперь защитить тех, кого любит больше всего? Что вообще со всеми ними будет?

* * *

Новый рассвет, новая перекличка, новый день. Заключенные в полосатых куртках стояли рядами в прохладе летнего утра, шевелясь только когда до них доходила очередь получить свое довольствие, и не произнося ни слова, кроме своих номеров в ответ на выкрик конвойного. Любое нарушение дисциплины на плацу влекло за собой наказание, как и малейший беспорядок в бараках: за тонкой пленкой внешней упорядоченности скрывалась толща животного варварства.

Наконец медленная процедура подошла к концу. Ряды смешались, трансформируясь в рабочие команды. Фриц, обводя взглядом толпу, увидел среди рабочих из карьера отца.

Ближе к концу зимы тот смог немного передохнуть: Густав Херцог, один из самых молодых старшин в еврейском блоке, назначил его ответственным по бараку. Будучи мебельщиком, он привык иметь дело с матрасами и вообще тяготел к чистоте и порядку. Такое назначение считалось незаконным и обоим грозило наказанием, зато помогало бараку проходить инспекции, а для Густава означало передышку месяца на два. Однако теперь она подошла к концу, и его снова отправили в смертоносный карьер таскать камни.

Фриц больше не работал вместе с ним; его перевели на огороды, прилегавшие к ферме – это тоже был тяжелый труд, но все-таки не такой мучительный и опасный¹⁵¹. Деньги из дома позволяли им иногда покупать себе что-нибудь из арестантской столовой, что немного скрашивало их будни.

Пробиваясь сквозь толпу к своим товарищам по огороду, Фриц услышал, как старший по лагерю прокричал: «Заключенный 7290, к главным воротам, бегом!»

Сердце Фрица застыло, словно кто-то сжал его ледяной рукой. Было лишь две причины, по которым заключенного вызывали к лагерным воротам: наказание или назначение в каменный карьер, скорее всего, с целью последующего расстрела.

– Заключенный 7290! Сейчас же! К главным воротам, бегом!

---

¹⁵¹ В огородную команду Фрица перевели 5 апреля 1940 года (карточка учета заключенных 1.1.5.3/6283377, ITS).

Фриц протолкнулся через толпу и побежал к воротам. Густав смотрел ему вслед, и сердце поднималось у него к горлу. Фриц доложил о приходе адъютанту, лейтенанту СС Герману Хакману, элегантному стройному мужчине с мальчишеской улыбкой, за которой крылись жестокость и цинизм¹⁵². Он окинул Фрица взглядом, похлопывая по ладони увесистой бамбуковой дубинкой, которая всегда была при нем.

– Жди здесь, – сказал он. – Лицом к стене.

Адъютант ушел. Пока остальные выходили из лагеря на работы, Фриц стоял у ворот, уткнувшись носом в побеленные кирпичи. Наконец, когда все прошли, сержант СС Шрамм, командующий блоком Фрица, явился за ним.

– Иди за мной.

Шрамм проводил его в административный комплекс, расположенный в конце «Кровавой дороги». Фрица отвели в здание гестапо и надолго оставили стоять в коридоре, прежде чем вызвать в кабинет.

– Сними шапку, – приказал гестаповский клерк. – Теперь куртку.

Фриц исполнил приказ.

– Надень это.

Гестаповец протянул ему обычную рубашку, галстук и пиджак. Одежда была велика, особенно с учетом того, как сильно Фриц исхудал, но он все равно аккуратно завязал галстук вокруг сморщившегося складками воротника. Его поставили перед фотокамерой и сняли с разных сторон. Не представляя, для чего могла понадобиться эта странная процедура, Фриц смотрел в объектив с затаенным подозрением, его большие темные глаза горели гневом.

Когда все закончилось, ему приказали снова надеть лагерную униформу и бегом возвращаться в барак. Он радовался тому, что остался цел, но по-прежнему не догадывался о целях всего произошедшего. Еще сильнее Фриц удивился, когда ему сказали, что он освобожден от работ на весь остаток дня.

Он сидел один в пустом бараке, гадая, что это могло означать. Вероятно, его переделали, чтобы создавалось впечатление, будто он живет как все обычные люди, не как заключенный, но дальше этого предположения Фрица так и не зашли.

В тот вечер, когда остальные вернулись с работ, Густав, едва живой от волнения, терзавшего его весь день, проскользнул к Фрицу в блок. Заглянув в дверь и увидев сына, живого и здорового, он испытал громадное облегчение. Фриц рассказал, что с ним произошло, но ни один из их товарищей никак не мог этого объяснить. До сих пор внимание со стороны гестапо никогда не сулило ничего хорошего.

Несколько дней спустя все повторилось: Фрица вызвали с переключки и отвели в отдел гестапо. Перед ним положили копию его фотографии. Она показалась ему странной: бритый череп никак не вязался с болтающимся пиджаком и туго завязанным галстуком. Если гестаповцы собирались создать впечатление, что он живет нормальной жизнью, то не очень-то преуспели. Ему приказали подписать карточку: *Фриц Израиль Кляйнман*.

Наконец Фрицу сообщили, зачем все это нужно. Мать получила необходимые подтверждения из Америки и подала заявление на освобождение Фрица, чтобы тот мог эмигрировать. Для заявления и потребовалась его фотография.

На обратном пути в лагерь он впервые за восемь месяцев ощутил, что к нему возвращается надежда.

---

¹⁵² Stein, *Buchenwald*, сс. 44–45, 307; Hackett, *Buchenwald Report*, с. 34. Хакмана в разных источниках называют как Германом, так и Генрихом. Позднее он был обвинен СС в растрате.

* * *

«Мы перешли во вторую колонию в хороший, теплый, почти летний день. Еще и зелень на деревьях не успела потускнеть, еще травы зеленели в разгаре своей второй молодости, освеженные первыми осенними днями».

Голос Стефана наполнял комнату, и единственным звуком, который прерывал его, был шорох переворачиваемых страниц.

Фриц и другие мальчики слушали, очарованные, историю места, которое казалось очень похожим и в то же время совсем не похожим на то, в котором они сейчас жили. Чтение вслух было для них редким развлечением. Надежда все еще не покидала Фрица, хоть он и беспокоился, что в заявлении ничего не говорилось об отце. Жизни их расходились: перед Фрицем открывался новый, более широкий мир благодаря другим заключенным, с которыми он подружился и которые помогали ему.

Прежде всего, это был Леопольд Мозес, поддержавший Фрица в его первые месяцы в лагере и ставший его другом. Впервые Фриц столкнулся с ним в карьере, в разгар дизентерийной эпидемии. Лео протянул ему несколько маленьких черных таблеток.

– Глотай, – сказал он, – помогает от поноса.

Фриц передал таблетки отцу, который хорошо их знал по былому военному опыту – это был ветеринарный активированный уголь, и таблетки действительно помогли. Лео Мозес взял Фрица под свое крыло, когда того перевели в блок для молодежи, и Фриц узнал его историю. Он находился в концентрационных лагерях с самого начала. Рабочий из Дрездена, Лео являлся членом коммунистической партии Германии и попал под арест, как только нацисты пришли к власти – задолго до того, как еврейство стало для этого еще одним предлогом. Некоторое время он был старшим в транспортировочной команде – один из первых еврейских старшин в Бухенвальде, – но не справился с обязанностями надзирателя. Эсэсовцы быстро его сместили, наградив напоследок двадцатью пятью ударами кнута на пыточной скамье.

Через Лео Фриц сдружился с другими давними заключенными-евреями. В этом и заключался секрет выживания: «Не в удаче, и даже не в Божьем благословении», – говорил он впоследствии. Дело было в людской доброте. «Все, что они видели – это еврейскую звезду на моей тюремной униформе и то, что я еще совсем ребенок»¹⁵³. Ему, как другим мальчишкам, порой перепадали дополнительные пайки, иногда необходимые лекарства. В числе влиятельных евреев числился и Густав Херцог, распорядившийся, чтобы отец Фрица занимался уборкой в бараке. В свои тридцать два Густль был самым молодым из лагерных старшин¹⁵⁴. Отпрыск богатой венской семьи, владевшей международным новостным агентством, он попал в Бухенвальд после Хрустальной ночи. Однако с еще большим уважением Фриц относился к его заместителю, Стефану Хейману¹⁵⁵. У Стефана было лицо интеллектуала: с высокими бровями, в очках, с узким подбородком и тонким ртом. Он служил офицером в германской армии на последней войне, но как активный коммунист и еврей оказался в числе первых арестованных в 1933-м и попал в Дахау.

Вечерами, по окончании работ, Стефан рассказывал им истории, чтобы немного отвлечь от лагерных тягот. В тот вечер он читал им драгоценную, запрещенную книгу, *Педагогическая поэма* русского автора Антона Макаренко. Там рассказывалось о его работе в советских испра-

---

¹⁵³ Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, сс. 47, 49. Фриц указывает свой рост на тот момент, 145 см. Однако на семейной фотографии 1938 года, когда ему было четырнадцать, он лишь ненамного уступал в росте уже взрослой Эдит, рост которой по паспорту был 157 см. DPP). За следующие несколько месяцев он должен был еще немного вырасти, поэтому, скорее всего, к 1939 году перерос отметку 152 см).

¹⁵⁴ Густав Херцог родился в Вене, 12 января 1908 года (запись о Густаве Херцоге, 68485, AMP).

¹⁵⁵ Стефан Хейман родился в Манхейме, Германия, 14 марта 1896 (запись о Стефане Хеймане, 68488, AMP).

вительных колониях для малолетних преступников. Стефан читал, и его голос разлетался по темному бараку, и детские лагеря превращались в волшебную идиллию, которую целая Вселенная отделяла от повседневных реалий Бухенвальда:

«Над Коломаком щедро нависли шепчущим пологом буйные кроны нашего парка. Много здесь было тенистых и таинственных уголков, где с большим успехом можно было купаться и разводить русалок, и ловить рыбу, а в крайнем случае и посекретничать с подходящим товарищем. Наши главные дома стояли на краю высокого берега, и предприимчивые и бесстыдные пацаны прямо из окон летали в реку, оставив на подоконниках несложные свои одежды»¹⁵⁶.

Большинство слушающих были одни, потому что отцов их уже убили, и многие от этого стали апатичными и замкнутыми; но, слушая истории о другом, лучшем мире, они возвращались к жизни и вновь испытывали радость.

Изредка в Бухенвальде случались и другие тайные культурные радости. Как-то вечером Стефан и Густьль с заговорщицким видом прокрались в барак и, велев Фрицу и другим мальчишкам быть потише, провели их через лагерь к обмундировочной, длинному зданию, прилежавшему к душевому блоку.

Там было тихо и темно, полки и вешалки заполнены униформой и одеждой, конфискованной у новых заключенных, которая приглушала их шаги. Внутри уже собрались некоторые взрослые арестанты; они раздали мальчикам по куску хлеба и кружке желудевого кофе, а потом появилось четверо заключенных со скрипками и деревянными духовыми. И там, в этой пыльной, заваленной одеждой комнате, они играли музыку. Впервые Фриц услышал искрящуюся, беззаботную мелодию «Маленькой ночной серенады». Веселый скрип смычка о струны вдохнул в комнату жизнь, вернул улыбки на лица узников, сидящих кружком. Это воспоминание еще долго грело Фрица: «На короткий момент мы снова обрели способность улыбаться»¹⁵⁷.

Кроме этих редких моментов, у них не было поводов для радости.

Работа на огородах, урожай с которых продавали на рынке в Веймаре или заключенным через столовую, отличалась от карьера в лучшую сторону, но все равно оказалась тяжелей, чем мальчишки ожидали. Они думали, что смогут поживиться морковью, помидорами или сладким перцем, но к поспевающим на грядках овощам их и близко не подпускали.

Огородами заправлял австрийский офицер СС лейтенант Думбек. Он побывал в ссылке в составе австрийского легиона, когда нацистскую партию провозгласили вне закона, и теперь мстил, вымещая злость на австрийских евреях. «Всех вас, свиньи, надо перебить», – раз за разом повторял он и делал все возможное, чтобы это осуществить. Было доподлинно известно, что сорок заключенных он убил собственными руками¹⁵⁸.

Фрица назначали *Scheissetragen* – «говноносцем»¹⁵⁹. Вместе с другими он должен был перетаскивать жижу из нужников в бараках и из выгребной ямы на огороды, чтобы удобрять грядки. Все ходки, туда и обратно, надо было делать бегом, стараясь не расплескать отвратительное вонючее месиво из ведер. Единственным подразделением, занимавшимся еще более отвратительной работой, было «471 I» – по названию популярного немецкого одеколona; состоявшие в нем заключенные вычерпывали жижу из нужников – зачастую голыми руками – и переливали в ведра «говноносцев». В него эсэсовцы старались назначать евреев, связанных с наукой и искусством¹⁶⁰.

---

¹⁵⁶ Антон Макаренко, *Педагогическая поэма*, том 2, глава 1.

¹⁵⁷ Фриц Кляйнман в Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 54.

¹⁵⁸ Hackett, *Buchenwald Report*, сс. 42, 336; Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 55.

¹⁵⁹ Stein, *Buchenwald* (немецкое издание), с. 78.

¹⁶⁰ Stein, *Buchenwald*, сс. 78–79.

Но, по крайней мере, надзиратель их команды, Вилли Курц, обращался с мальчишками снисходительно. Бывший чемпион по боксу в тяжелом весе, Вилли был человеком безо всяких иллюзий – некогда он входил в правление одного из исключительно арийских спортивных клубов Вены и получил удар в самое сердце, когда власти, изучив его родословную, провозгласили его евреем.

Он не был жесток к подчиненным; позволял им сбавить темп и немного передохнуть, когда эсэсовцев не было рядом. Стоило появиться конвойному, как Вилли напоказ орал на мальчишек, заставлял бежать как можно быстрее и угрожающе размахивал дубинкой, но никогда ею не бил. Выглядело это настолько убедительно, что охранники не утруждали себя побоями, раз уж Вилли стоял на страже.

Время от времени Фриц вспоминал про фотографию и продолжал надеяться.

* * *

– *Левой*–два – три! *Левой*–два – три!

Густав, крепко держа веревку, тянул. Без пауз, без передышек – потянуть, сделать шаг, потянуть, сделать шаг, и так до бесконечности. Рядом с ним точно так же тянули и шагали другие заключенные, обливаясь потом в солнечном свете, кое-где приглушенном листвой деревьев. Двадцать шесть еврейских звезд, двадцать шесть истощенных тел, влекущих телегу, нагруженную бревнами, через лес, вверх по склону, по проселочной дороге, с колесами, скрежещущими под тяжестью поклажи.

Это было мучительно, но для Густава перевод из карьера в транспортную команду оказался спасением, а обязан им он был Лео Мозесу. В карьере стало еще страшней, чем раньше. Каждый день кого-нибудь толкали на цепочку конвойных, а сержант Хинкельман придумал новую пытку: если заключенный падал на землю без сил, он заливал ему в рот воду до тех пор, пока тот не захлебывался. Тем временем сержант Бланк развлекался тем, что сталкивал каменные глыбы сверху на арестантов, когда те выходили из карьера; многих он ранил и изувечил, а некоторых и убил. Эсэсовцы обложили данью тех работников карьера, кто получал деньги из дома – каждый отдавал им пять марок и шесть сигарет, или его жестоко избивали. В карьере работали двести человек, так что у охранников появился стабильный доход, хотя сумма его падала с каждой неделей, поскольку заключенных нещадно убивали.

При посредничестве Лео в июле Густава перевели из этого гиблого места в транспортную колонну. Целыми днями они перевозили по лагерю строительные материалы: бревна из леса, гравий с карьера, цемент со складов. Надзиратели заставляли их при этом петь, а остальные заключенные называли их *singende Pferde* – поющие лошади¹⁶¹.

– *Левой*–два – три! *Левой*–два – три! Петь, свиньи!

Каждый попадавшийся на пути эсэсовский охранник орал на них:

– Почему шагом, вы, собаки?! Быстро, бегом!

Однако все равно это было лучше, чем карьер.

«Работа тяжелая, – писал Густав, – но более спокойная и без преследований... Человек – приспособляющееся существо и может привыкнуть к чему угодно. Так оно и идет, день за днем».

Колеса вертелись, мужчины-лошади пели и тянули повозку, надзиратели выкрикивали приказы, а время шло.

---

¹⁶¹ Stein, *Buchenwald*, с. 90.

* * *

Сержант СС Шмидт, стоя на плацу, кричал на группу людей, бегавших перед ним кругами.

– Быстрее, говно еврейское!

Фриц с другими мальчиками, бежавшими впереди, прибавили скорость, чтобы не попасть под удары, которыми он подгонял отстававших. У многих из них до сих пор болели животы и мошонки: Шмидт их избил за то, что они медленно отзывались на перекличке.

– Бегом! Бегом, свиньи, бегом! Быстрее, вы, говно!

Остальные заключенные уже разошлись по баракам, но обитателям третьего блока приказали остаться. Шмидт, их командующий блоком, снова был недоволен результатами инспекции – койки плохо заправлены, пол недостаточно чистый, не все вещи на своих местах – и назначил наказание, *Strafsport*.

Приземистый и обрюзгший, Шмидт был известным мошенником и не менее известным садистом: раньше он занимал пост в арестантской столовой и расхищал запасы табака и папирос. Мальчишки из третьего блока прозвали его «ГовноШмидтом» за его любимое слово¹⁶².

– Бегом марш! Лечь... встать... Говно, лечь снова! Теперь бегом!

Хлыст его то и дело проходил по спине какого-нибудь бедняги, оказавшегося не в силах поддерживать темп.

– Бежать!

Прошло уже два часа, горячее солнце садилось, и на плацу становилось прохладнее; мальчики обливались потом и едва дышали. Наконец Шмидт отпустил их, сопроводив команду очередным ругательством, и они потащились к себе в барак.

Изголодавшиеся, они получили единственную за день горячую пищу: суп из турнепса. Везунчикам в нем изредка попадались ошметки мяса.

Фриц доел и уже собирался вставать, когда Густль Херцог велел мальчикам оставаться на своих местах.

– Мне надо с вами поговорить, – начал он. – Вы, молодежь, не должны бежать так быстро во время *Strafsport*. Когда вы быстро бежите, ваши отцы не успевают, и Шмидт колотит их за отставание.

Мальчикам стало стыдно, но что они могли поделать? *Кого-то* он в любом случае будет бить за задержку. Густль и Стефан показали им, что надо делать.

– Бегите вот так – высоко поднимая колени и маленькими шагами. Тогда со стороны будет казаться, что вы стараетесь изо всех сил, но скорость будет невысокая.

Прием сгодился, чтобы обмануть ГовноШмидта. Со временем Фриц научился многим подобным ветеранским приемам – несмотря на свою абсурдность, они нередко спасали от побоев, а то и от смерти.

Тем временем, пока Фриц трудился на огородах, а Густав таскал свою телегу, во внешнем мире шла война, месяц проходил за месяцем, и надежды на освобождение медленно таяли. Заявление матери, пробудившее во Фрице радостные ожидания, видимо, тоже оказалось делом безнадежным.

---

¹⁶² Gartner and Kleinmann, *Doch der Hund*, с. 57. О характере и привычках Шмидта вспоминали многие свидетели, цитируется в Hackett, *Buchenwald Report*.

Положительное решение

Для Эдит и Рихарда все изменилось. В стране, куда они бежали, начиналось практически то же самое, что некогда заставило их покинуть Вену.

В июне 1940 года на смену «Сидячей войне» пришла настоящая, с бомбардировками, кровью и смертью, битва за Британию. Каждый день бомбардировщики Люфтваффе атаковали аэродромы и фабрики, и каждый день «Спитфайры» и «Ураганы» изо всех сил старались сопротивляться им. Королевские военно-воздушные силы стали коалиционными войсками, поскольку к пилотам из Соединенного Королевства присоединились поляки, французы, бельгийцы и чехи. Британии нравилось по-прежнему считать себя главенствующей нацией, хотя больше она ею не была.

Пресса сосредоточилась на двух вещах: ходе сражений и растущих страхах проникновения в страну германских шпионов и саботажников, прокладывающих дорогу для вторжения. Слухи начались в апреле; пресса – с подачи *Daily Mail* – стала активно пугать читателей пятой колонной¹⁶³. Паранойя перешла в истерию, и враждебные взгляды обратились на 55 000 австрийских и германских еврейских беженцев, мужчин, женщин и детей, которые вряд ли шпионили на Гитлера и не подлежали интернированию¹⁶⁴. Однако стране грозило вторжение, поэтому *Mail* и некоторые политики настаивали на том, чтобы правительство интернировало всех граждан Германии, вне зависимости от статуса, ради национальной безопасности.

Когда в мае Черчилль занял пост премьер-министра, то распространил приказ об интернировании на всех членов Британского фашистского союза, коммунистической партии, а также ирландских и уэльских националистов. В июне, утратив терпение, он скомандовал: «Хватайте всех!»¹⁶⁵. Чтобы избежать чрезмерной нагрузки на инфраструктуру, аресты решили проводить в три стадии. На первой забирали германцев и австрийцев – евреев, неевреев и антинацистов, без разбора, – не имевших статуса беженцев и работы. На второй – остальных германцев и австрийцев, живущих за пределами Лондона, а на третьей – в Лондоне.

Черчилль обратился к парламенту со словами: «Я знаю, что от этих распоряжений пострадает множество прекрасных людей... страстных противников нацистской Германии. Мне очень их жаль, но мы не можем... тщательно разбираться по каждой кандидатуре, что следовало бы сделать»¹⁶⁶. Первая стадия арестов началась 24 июня¹⁶⁷.

Люди передавали друг другу антисемитские сплетни, как это часто случается в трудные времена: евреи владеют черным рынком, они наводнили вооруженные силы, у них особые привилегии, куча денег, лучшая еда, лучшая одежда¹⁶⁸. Отчаявшись утихомирить антисемитские настроения, англо-еврейское сообщество само подпало под общенациональное влияние. Газета *Jewish Chronicle* призывала принять «самые суровые меры» против беженцев, включая евреев,

¹⁶³ Хотя и заявлялось, что они говорят «от лица народа», в действительности большинство британцев понятия не имели о «пятой колонне» до начала кампании в *Daily Mail* (Peter Gillman and Lenni Gillman, “Collar the Lot!” *How Britain Interned and Expelled Its Wartime Refugees* (1980), сс. 78–79). Термин «пятая колонна» восходит к временам Гражданской войны в Испании (1936–1939), когда один из генералов сообщил прессе, что у него пять военных колонн плюс «пятая колонна» во вражеском лагере.

¹⁶⁴ Roger Kershaw, “Collar the lot! Britain’s policy of internment during the Second World War”, блог Национального архива Великобритании (2015). Большинство еврейских беженцев попадали под Категорию С (освобожденных от интернирования), но 6700 оказались в категории В (подлежат ограничениям), а 569 были признаны угрозой и интернированы. В действительности в Британии были шпионы и саботажники, и их дюжинами ловили и приговаривали, но в основном они оказывались британскими гражданами, а не иммигрантами.

¹⁶⁵ Gillman, “Collar the Lot!”, с. 153; Kershaw, “Collar the lot!”.

¹⁶⁶ Уинстон Черчилль, выступление в Палате общин, 4 июня 1940 года, *Hansard*, том. 364, гл. 794.

¹⁶⁷ Gillman, “Collar the Lot!”, сс. 167ff, 173ff; Kershaw, “Collar the lot!”.

¹⁶⁸ Bernard Wasserstein, *Britain and the Jews of Europe, 1939–1945* (1999), с. 108.

и поддерживала расширение интернирования; в британских синагогах прекратились службы на немецком, а Совет депутатов британских евреев начал ограничивать собрания еврейских беженцев из Германии¹⁶⁹.

В Лидсе Эдит уже много месяцев тряслась от страха. Они с Рихардом поселились в квартире в старом викторианском доме неподалеку от синагоги¹⁷⁰. Эдит отказалась от должности прислуги с проживанием у миссис Бростофф и нанялась приходящей уборщицей к женщине, жившей поблизости. Поменять работу было нелегко, потому что о таких переходах беженцам следовало уведомлять Министерство внутренних дел и получать на них разрешение¹⁷¹. Рихард продолжал печь кошерное печенье. В ожидании ребенка они должны были жить счастливо, но Эдит не находила себе места. Для человека с немецким акцентом жизнь в Британии становилась все более неудобной. А по мере того как нарастала угроза германского вторжения, их захлестывал страх. Они уже видели, как быстро пала перед нацистами Австрия, и легко могли себе вообразить штурмовиков на Чэйпелтон-Роуд и Эйхмана или других эсэсовских чинов, зачитывающих указы на ратуше Лидса.

Понимая, что лучше всего будет вообще бежать из Европы, Эдит отыскивала в своих бумагах подтвердительные письма от родственников из Америки. Она обратилась с запросом в Комитет беженцев, чтобы узнать, действительны ли письма теперь, когда она замужем. Ответа из Лондона пришлось дожидаться почти две недели: нет, письма недействительны. Эдит должна еще раз написать своим поручителям и попросить у них новые. Также они должны гарантировать поддержку ее мужу¹⁷². И, конечно, им обоим придется обратиться за эмигрантской визой в американское посольство в Лондоне. Война набирала обороты, в небе у них над головами шли бои, угроза интернирования возрастала, а Эдит с Рихардом ожидал долгий и мучительный бюрократический процесс.

Они так и не узнали, сколько он мог занять; в начале июля вступила в силу вторая стадия правительственной программы, и Рихард был арестован полицией Лидса.

Эдит не попала под арест по чистой удаче. Женщин с детьми арестовывали вместе с мужчинами, и только для беременных делалось исключение¹⁷³.

Рихард, двадцати одного года от роду, уже был искалечен в Дахау и Бухенвальде; он бежал в Британию в поисках убежища. И вот теперь его оторвали от жены и еще не родившегося ребенка и посадили под арест те самые люди, которые собирались защитить его от нацистов.

Эдит тут же подала в Министерство внутренних дел заявление на его освобождение. Процесс был нелегкий; интернированному следовало доказать, что он не представляет угрозы и может внести весомый вклад в борьбу с врагом¹⁷⁴. Обе ветви Комитета еврейских беженцев, в Лидсе и Лондоне, обращались в министерство от лица тысяч евреев, оказавшихся в заключении. Поскольку арестованных было слишком много, специально оборудованные лагеря их не вмещали, и вместо них использовали старые хлопковые фабрики, заброшенные заводы, поля для скачек – все, что угодно. Многие попали в главный центр содержания интернированных на острове Мэн¹⁷⁵. Те, кто был постарше, вспоминали, что нацистские концентрационные лагеря начинались именно так – Дахау основали на развалинах заброшенной фабрики.

¹⁶⁹ Bernard Wasserstein, *Britain and the Jews of Europe, 1939–1945* (1999), с. 83.

¹⁷⁰ Адрес был 15, Реджинальд-Террас (разные письма, LJL). На момент женитьбы Рихард занимал квартиру 4 (свидетельство о браке, GRO). Викторианские дома на Реджинальд-Террас снесли в 1980-х.

¹⁷¹ Лидс, JRC, письмо в Министерство внутренних дел, 18 марта 1940, LJL. Миссис Грин жила по адресу: 57, Сент-Мартинс Гарден.

¹⁷² Лидс и Лондон, JRC, письма, 7 и 13 июня, 1940, LJL.

¹⁷³ Gillman, "Collar the Lot!", сс. 113, 133. Эдит запаслась справкой от врача, доктора Руммельсберга (24 апреля 1940, LJL), полученной, видимо, в целях, связанных с работой или статусом эмигрантки.

¹⁷⁴ Лондон, Уайтхолл, с. 171.

¹⁷⁵ Нет записей об интернировании Рихарда Палтенхоффера. Его дело вместе с большинством других было в штатном порядке уничтожено в Министерстве внутренних дел (discovery.national-archives.gov.uk/details/r/C9246; по данным на 30 сен-

Прошел июль, наступил август; Эдит вынашивала ребенка и ничего не знала о муже. В конце лета она написала в Комитет еврейских беженцев, но ей посоветовали не напирать больше на министерство с прошениями: «Мы... считаем, что вы сделали все возможное на настоящий момент и думаем, что было бы неосмотрительно со стороны комитета предпринимать дальнейшие вмешательства. Министерство внутренних дел уведомило нас, что последующие обращения и письма с такими обращениями... могут привести к задержке в принятии каких бы то ни было решений»¹⁷⁶.

Несколько дней спустя она получила уведомление – Рихард останется под стражей.

Для ветерана концентрационного лагеря жизнь в лагере для интернированных была относительно легкой. Без принудительного труда, без издевательств, без охранников-садистов. Интернированные играли в футбол, сочиняли собственные газеты, устраивали концерты и просветительские занятия. Но все равно они оставались заключенными. И хотя охраняли их не эсэсовцы, евреи оказались в тесном соседстве с закоренелыми и злопамятными сторонниками нацистского режима. Рихард мучился еще и от того, что Эдит, беременной, приходилось справляться самой, без его заработков.

В начале сентября, будучи на девятом месяце, Эдит подала еще одно заявление на его освобождение. Комитет уверил ее: «Мы искренне убеждены, что решение по данной кандидатуре будет положительным»¹⁷⁷. Снова началось ожидание. Через две недели из Департамента по делам иностранцев пришло уведомление о том, что дело Рихарда будет передано на рассмотрение «как можно скорее»¹⁷⁸.

Через два дня у Эдит начались схватки. Ее отвезли в родильный дом на Гайд-Террас, в центре Лидса, где в среду, 18 сентября, она родила здорового крепкого мальчика. Эдит назвала его Питер Джон. Английское имя для рожденного в Йоркшире английского младенца.

По мере того как острота событий стиралась, а общественное мнение становилось не таким ожесточенным, стали все чаще звучать голоса в поддержку ни в чем не повинных интернированных беженцев. В июле несколько тысяч – включая евреев – отправили в Канаду на корабле, который потопила подводная лодка. Такое количество смертей заставило Британию ужаснуться и понять, как несправедливо она обошлась с невинными людьми просто потому, что это были иностранцы. Политика постепенно менялась. В парламенте сожалели о предпринятых в панике действиях; кто-то из членов консервативной партии сказал: «Мы, хотя и ненамеренно, лишь увеличили количество страданий, причиняемых войной, не продвинувшись при этом ни на шаг в своей борьбе»¹⁷⁹. Член партии лейбористов добавил: «Мы помним тот ужас, который охватил эту страну, когда Гитлер начал сажать евреев, социалистов и коммунистов в концентрационные лагеря. Мы были потрясены, однако даже не заметили, когда поступили точно так же с теми же самыми людьми»¹⁸⁰.

Питеру исполнилось пять дней от роду, когда до Эдит дошла новость – Рихарда выпускают¹⁸¹.

тября 2017).

¹⁷⁶ Секретарь кабинета, письмо Эдит Палтенхоффер, 30 августа 1940, LJJ.

¹⁷⁷ Секретарь кабинета, письмо Эдит Палтенхоффер, 4 сентября 1940, LJJ.

¹⁷⁸ Министерство внутренних дел, письмо в JRC, Лидс, 16 сентября 1940, LJJ.

¹⁷⁹ Виктор Казалет, выступление в Палате общин, 22 августа 1940, *Hansard*, том 364, гл. 1534.

¹⁸⁰ Рис Дэвис, выступление в Палате общин, 22 августа 1940 года, *Hansard*, том 364, гл. 1529.

¹⁸¹ Министерство внутренних дел, письмо в JRC, Лидс, 23 сентября 1940, LJJ. Освобождение Рихарда было подтверждено 16 сентября (регистрационная карта 270/00271, HOI).

* * *

Густав открыл свой блокнот и пролистал страницы. Всего ничего – весь 1940-й уместился на трех страничках, покрытых его колючим почерком. «Так идет время, – писал он, – подъем ранним утром, поздно вечером назад, ужин и сразу сон. Целый год одна работа и наказания».

Правда, сразу заснуть получалось не всегда. Заместитель коменданта главного лагеря майор СС Артур Рёдль придумал для заключенных евреев новое испытание. Каждый вечер, вернувшись из карьера, с огородов или со стройки, измученные и голодные, пока остальные расходились по своим баракам, они должны были стоять на плацу, залитом светом прожекторов, и петь.

Рёдль, выскочка и плут, сумевший, несмотря на свою глупость, дослужиться до командующих постов, любил слушать пение своего «еврейского хора». Лагерный оркестр им играл, а «хормейстер» дирижировал, стоя на куче щебня.

– Еще! – выкрикивал Рёдль в громкоговоритель, и едва державшимся на ногах заключенным приходилось делать глубокий вдох и запевать следующую песню. Если пели они недостаточно хорошо, из громкоговорителя несло: «Открывайте рты! Вам что, свиньи, не нравится петь? А ну на землю, все, и пойте!» Им приходилось ложиться на землю – какая бы ни была погода, прямо в пыль, грязь, лужи или снег, – и петь. Командующие блоками ходили между рядов и били тех, кто пел недостаточно громко.

Часто это продолжалось часами. Случалось, что Рёдль начинал скучать и объявлял, что уходит на ужин, а они должны стоять и репетировать. «Не будете петь хорошо, – говорил он, – простоите тут всю ночь». Охранники-эсэсовцы, которых не радовала перспектива стоять тут же и следить за заключенными, вымещали на них свой гнев ударами.

Чаще всего они пели «Бухенвальдскую песню». Ее сочинил венский композитор Герман Леопольди, на слова знаменитого поэта Фрица Лёнер-Беда – оба они были заключенными, – с четкой маршевой мелодией и стихами, призывающими сохранять мужество даже в тяжелые времена. Рёдль специально ее заказал: «У всех лагерей есть своя песня. У нас должна быть Бухенвальдская»¹⁸². Он пообещал награду в десять марок (которые так и не выплатил) композитору, который выиграет конкурс, и очень порадовался результату. Заключенные пели ее, когда шли по утрам на работы:

О Бухенвальд, мне тебя не забыть,
В тебе моя судьба.
Лишь тот, кто создал тебя, поймет
Как прекрасна свобода!
О Бухенвальд, не стонем мы, нет,
И что ни сулила б нам жизнь,
Мы скажем ей – да,
Ведь настанет день, и будем свободны мы!

Рёдль даже не понял, насколько провокационны ее слова. «По своей глупости, – вспоминал Леопольди, – он и не заметил, что песня практически революционная»¹⁸³. Также Рёдль заказал «Еврейскую песню» с оскорбительными стихами о преступлениях и гнусностях евреев,

---

¹⁸² Цитируется в Jerry Silverman, *The Undying Flame: Ballads and Songs of the Holocaust* (2002), с. 15.

¹⁸³ Цитируется там же, с. 15.

однако она оказалась «слишком дурацкой» даже для него, так что он ее запретил. Позднее другие офицеры вспомнили песню и заставляли узников петь ее до поздней ночи¹⁸⁴.

Однако Бухенвальдская песня звучала в лагере чаще всего. Евреи пели ее бесчисленное количество раз, стоя на плацу в свете прожекторов. «Рёдль любил под нее танцевать, – рассказывал Леопольди, – когда с одной стороны плаца играл лагерный оркестр, а на другой узников подвергали порке»¹⁸⁵. Шагая под Бухенвальдскую песню на работы в свете разгорающейся зари, заключенные вкладывали в нее всю свою ненависть к СС. Многие погибли с ней на устах.

«Так им нас не побороть, – писал Густав в своем дневнике. – Война продолжается».

* * *

Бухенвальд разрастался с каждым месяцем. Лес исчезал, превращаясь в бревна, а среди вырубок вырастали новые постройки, словно бледные поганки на запаршивевшем склоне Эттерсберга.

Казармы СС образовывали полукруг из двухэтажных домиков с офицерским казино в центре. Там были нарядные виллы с палисадниками для офицеров, небольшой зоопарк, конюшня с манежем, гаражный комплекс и бензоколонка для транспорта СС. Среди прочего в лагере имелся соколиный питомник, стоявший среди деревьев на склоне близ карьера; он включал в себя вольеры, беседку и охотничий домик в тевтонском стиле из дубовых бревен с громадными каминами. Стены домика украшали головы животных, он был обставлен громоздкой дорогой мебелью и предназначался для Германа Геринга, но тот ни разу в нем не побывал. Эсэсовцы так им гордились, что за одну марку проводили для местных немцев экскурсии, позволяя им осмотреть свои владения¹⁸⁶.

Все постройки возводились из деревьев и камней с горы, на которой стояли, и были политы кровью заключенных, вручную доставлявших и выкладывавших кирпич, бревна и каменные глыбы.

По дорогам, связывавшим стройплощадки, Густав Кляйнман со своими товарищами таскали телеги с материалами, а его сын стал одним из строителей. Неизменный благодетель Фрица, Лео Мозес, снова воспользовался своим влиянием, и Фрица перевели в команду, строившую для СС гаражи¹⁸⁷.

Надзирателем Строительного подразделения I, отвечавшего за этот проект, был Роберт Сиверт, друг Лео Мозеса. Гражданин Германии польского происхождения, Сиверт ходил с красным треугольником политического заключенного на куртке. В молодости он работал на стройке, клал кирпичи, а в Первую мировую воевал в германской армии. Убежденный коммунист, в 1920-х он являлся членом Саксонского парламента. Несмотря на то что ему перевалило за пятьдесят, он сохранил физическую силу и энергию; Роберт был коренастый, с широким лицом и узкими глазками под темными лохматыми бровями.

---

¹⁸⁴ Манфред Лангер в Hackett, *Buchenwald Report*, с. 169–170.

¹⁸⁵ Цитируется в Silverman, *Undying Flame*, с. 15. Леопольди пережил холокост, но Лёнер-Беда был убит в Освенциме в 1942.

¹⁸⁶ Hackett, *Buchenwald Report*, с. 42.

¹⁸⁷ Судя по всему, Фрица перевели в строительную команду 20 августа 1940 года, после четырех месяцев работы на огороде (карточка учета заключенных 1.1.5.3/6283377, ITS).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.